
Voennyi

Sbornik

Has been issued since 1858.
ISSN 2309-6322. E-ISSN 2409-1707
2015. Vol.(10). Is. 4. Issued 4 times a year

EDITORIAL STAFF

Dr. Cherkasov Aleksandr – Sochi State University, Sochi, Russia (Editor-in-Chief)
PhD Ivantsov Vladimir – Sochi State University, Sochi, Russia
PhD Mamadaliyev Anvar – Sochi State University, Sochi, Russia
PhD Sorokin Aleksandr – Tomsk State University, Tomsk, Russia

EDITORIAL BOARD

Anca Alejandro – Ministry of Defence of Spain, Spain
Crawford Kent – Gunnery Fire Control Group, USA
Krinko Evgenii – Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russia
Myagkov Mikhail – Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Rzheshevskii Oleg – Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Sarychev Gennadii – Moscow Department of the Russian Ministry of Interior, Moscow, Russia
Sergeev Evgenii – Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Senyavskaya Elena – Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Šmigel' Michal – Matej Bel University, Banská Bystrica, Slovakia

The journal is registered by Federal Service for Supervision of Mass Media, Communications and Protection of Cultural Heritage (Russia). Registration Certificate ПИ № ФС 77 - 55398 or 17.09.2013.

Journal is indexed by: **CiteFactor** (USA), **CrossRef** (UK), **Electronic scientific library** (Russia), **Global Impact Factor** (Australia), **Open Academic Journals Index** (Russia), **Sherpa Romeo** (Spain), **ULRICH's WEB** (USA), **Universal Impact Factor** (Australia).

All manuscripts are peer reviewed by experts in the respective field. Authors of the manuscripts bear responsibility for their content, credibility and reliability.

Editorial board doesn't expect the manuscripts' authors to always agree with its opinion.

Postal Address: 26/2 Konstitucii, Office 6
354000 Sochi, Russian Federation

Website: <http://ejournal6.com/>
E-mail: sochio03@rambler.ru

Founder and Editor: Academic Publishing
House *Researcher*

Passed for printing 16.12.15.
Format 21 × 29,7/4.

Headset Georgia.
Ych. Izd. l. 4,5. Ysl. pech. l. 4,2.

Order № 10.

Voennyi Sbornik

2015

Is. **4**

Издается с 1858 г. ISSN 2309-6322. E-ISSN 2409-1707
2015. № 4 (10). Выходит 4 раза в год.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Черкасов Александр – Сочинский государственный университет, Сочи, Россия
(Гл. редактор)
Иванцов Владимир – Сочинский государственный университет, Сочи, Россия
Мамадалиев Анвар – Сочинский государственный университет, Сочи, Россия
Сорокин Александр – Томский государственный университет, Томск, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Анка Алехандро – Министерство обороны Испании, Испания
Крауфорд Кент – Группа управления артиллерийским огнем, США
Кринко Евгений – Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Россия
Мягков Михаил – Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия
Ржешевский Олег – Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия
Сарычев Геннадий – ГУ МВД России по г. Москве, Москва, Россия
Сенявская Елена – Институт российской истории РАН, Москва, Россия
Сергеев Евгений – Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия
Шмигель Михал – Университет Матей Бэла, Банска Быстрица, Словакия

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия (Российская Федерация). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77 - 55398 от 17.09.2013 г.

Журнал индексируется в: **CiteFactor** (США), **CrossRef** (Соединенное королевство), **Global Impact Factor** (Австралия), **Научная электронная библиотека** (Россия), **Open Academic Journals Index** (Россия), **Sherpa Romeo** (Испания), **ULRICH's WEB** (США), **Universal Impact Factor** (Австралия).

Статьи, поступившие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

Адрес редакции: 354000, Россия, г. Сочи,
ул. Конституции, д. 26/2, оф. 6
Сайт журнала: <http://ejournal6.com/>
E-mail: sochio03@rambler.ru

Подписано в печать 16.12.15.
Формат 21 × 29,7/4.

Учредитель и издатель: ООО «Научный
издательский дом "Исследователь"» -
Academic Publishing House *Researcher*

Гарнитура Georgia.
Уч.-изд. л. 4,5. Усл. печ. л. 4,2.
Заказ № 10.

2015

№ 4

CONTENTS

Articles and Statements

Eastern European Irregular Troops in the XVIII Century: Crisis and Evolution Artyom Y. Peretyatko	182
Some Aspects of Argentinien-Brasilianer Opposition Yuri F. Katorin	202
Cruiser Navy of Poland Igor V. Yurin, Artem A. Gonchar	214
Lieutenant-General F.N. Remezov: the Milestones of Biography Vladimir I. Afanasenko, Evgeny F. Krinko	226

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Voennyi Sbornik
Has been issued since 1858.
ISSN: 2309-6322
E-ISSN: 2409-1707
Vol. 10, Is. 4, pp. 182-201, 2015

DOI: 10.13187/vs.2015.10.182
www.ejournal6.com

Articles and Statements

UDC 93/94

Eastern European Irregular Troops in the XVIII Century: Crisis and Evolution

Artyom Y. Peretyatko

International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation
Laboratory of Military Research
PhD (History)
E-mail: ArtPeretatko@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the evolution of Eastern European irregular troops in the XVIII century, when they were forced to compete with the regular armies of the Western European model. In it are analyzed shortcomings and advantages of irregular system of the organization which became actual in this century. The author comes to a conclusion that the elimination of the most part of the East European irregular troops was made possible only when regular armies start using their tactics and weapons. Similar influence was mutual, and preserved irregular troops adopted more and more elements of the organization of a regular army.

Keywords: irregular troops, Cossacks, Grenz infantry, Russia, Polish–Lithuanian Commonwealth, Habsburg possessions, F. Mehring.

Введение

К началу XVIII в. граница между Османской империей, ее мусульманскими союзниками и европейскими странами была защищена складывавшейся в течение предыдущих двух столетий системой иррегулярных поселенных войск. Менее обременительные для государственной казны, чем наемники, способные (по крайней мере, теоретически) собраться по первому приказу правительства граничарские, казацкие, гусарские, стрелецкие, уланские части сумели обеспечить эффективную охрану этого рубежа, растянувшегося от Адриатического моря до Урала [1].

Однако в XVIII в. эта пограничная система была полностью уничтожена. Многочисленные восточноевропейские иррегулярные войска ушли в прошлое за несколько десятилетий, и от их прежнего разнообразия остались только казаки и граничары. Такая быстрота и фактическая одновременность ликвидации большинства иррегулярных частей в России, Австрии и Польше свидетельствует, что в это время произошли события, сделавшие прежде эффективную иррегулярную систему военной организации почти не востребованной. В своей статье мы попытаемся понять, что это были за события, и выяснить, насколько бесследным оказалось исчезновение большинства иррегулярных

войск, выявить влияние выработанных в них тактик на дальнейшую эволюцию европейской военной мысли.

Материалы и методы

Чтобы понять причины процессов, охвативших одновременно три крупных страны, нам, разумеется, придется использовать историко-сравнительный и историко-системный методы. На основании широкого круга отечественных и зарубежных работ, посвященных как истории отдельных войн, так и развитию военной мысли, мы попытаемся выявить общие черты эволюции восточноевропейских иррегулярных войск в XVIII в. Особое значение для нас будут иметь материалы, характеризующие сложившееся в ходе этого столетия разделение ролей между постоянными и иррегулярными частями. Они содержатся как в военных энциклопедиях последующего периода, так и в работах боевых офицеров, среди которых имеет смысл особо выделить Н.И. Краснова, имевшего совершенно особое представление о функции казачьих частей в российской армии [2], и И.В. Архенгольца, на основании личных наблюдений описавшего впечатление прусских офицеров от действий казаков, кроат и улан в Семилетнюю войну [3].

Поскольку в XVIII в. радикальной перестройке было подвергнуто не только военное, но и гражданское устройство иррегулярных войск, мы будем обращаться и к работам, носящим более общий характер, а так же к трудам, посвященным экономическому и административному развитию соответствующих регионов. Мы надеемся, что на основании совокупности этих материалов нам удастся создать системную картину эволюции восточноевропейских иррегулярных войск в кризисном для них столетии.

Обсуждение

Возникновение восточноевропейских иррегулярных войск было связано с неспособностью западноевропейских наемных армий эффективно выполнять задачи, связанные с постоянной защитой границ от набегов и продолжительными непрерывными войнами. Даже для крупных государств многолетнее содержание многотысячных армий в XVI в. представлялось невозможным. Между тем для прикрытия границ азиатского типа (термин, предложенный Д.А. Замятиным и означающий «большую барьерную территорию, полосу между государствами, слагающуюся из сплетения разнородных, остаточных местных и региональных властных, структур как огромная геополитическая чересполосица») требовалось постоянное содержание крупных пограничных отрядов [4]. Однако эволюция военной организации в Западной Европе продолжалась, и с середины XVII в. наемные армии прежнего образца стали уходить в прошлое. В период после Тридцатилетней войны резко упал социальный статус и, соответственно, оплата наемного солдата, а экономические возможности европейских государств вследствие развития финансовой системы существенно выросли. Это позволило постепенно полностью отказаться от роспуска армий в мирное время и ввести постоянную, фактически пожизненную систему службы [5]. Благодаря этому армии нового образца, которые мы, вслед за Ф. Мерингом, будем называть постоянными, могли и нести непрерывную пограничную службу, и сохранять боеспособность в случае длительных войн. При этом они обладали рядом существеннейших преимуществ над восточноевропейскими иррегулярными войсками, важнейшим из которых был высокий уровень муштровки. Так, Петр I жаловался, что за то время, пока солдаты «его полков» успевают выстрелить трижды, стрелецкие части делают не более одного выстрела [6]. Полный цикл ружейных приемов в стрелецких частях предусматривал выполнение 15 отдельных команд, таких, как «Подыми мушкет ко рту», «Содми с полки», «Возьми пороховой зарядец» и т.д. [7]. Для сравнения прусские части в эпоху Фридриха II на поле боя стреляли в три приема («Готовься», «Целься», «Пли») [8]. Еще хуже дело обстояло со строевой подготовкой. У стрельцов ее отсутствие доходило до того, что во время похода рядовые солдаты обгоняли воеводу, который в этих случаях делал специальный знак [9]. В прусской армии, напротив, от солдат требовалось доведение до автоматизма основных движений в строю [10].

Нужно отметить, что стрельцы были одним из немногих восточноевропейских иррегулярных войск, у которых существовала хоть какая-то регламентированная подготовка в мирное время. Однако эта подготовка носила крайне примитивный характер и сводилась

почти исключительно к «огневому бою», а остальные элементы, в том числе строевые, не отрабатывались. Покупка пороха и свинца для этого обучения была возложена на самих солдат стрелецких полков, а дисциплинарных мер для плохо стреляющих предусмотрено не было, предполагалось только проводить для них дополнительные занятия [11]. В прусской армии, напротив, муштровка достигала гипертрофированных, уродливых размеров. В частности, в комплект формы каждого унтер-офицера входила палка, которой он должен был избивать солдат за малейшую ошибку [12]. Телесные наказания были распространены даже на офицеров: единственной их привилегией в этом отношении было то, что наказание осуществлялось не палкой, а рапирой плашмя [13]. Довести муштровку до автоматизма помогал и длительный срок службы: у солдат он составлял 20 лет [14], а офицер в мирное время должен был прослужить не менее 20 лет, чтобы получить под командование роту, причем сам Фридрих Великий предпочитал тех из них, кто не имел семьи и тратил все свое время на службу [15]. Именно жесточайшая дисциплина и качественнейшее военное обучение сделали прусскую армию образцовой для XVIII в. [16], и ее опыт в этом отношении использовался многими военными реформаторами, в том числе и в России [17].

Следует отметить, что некоторые восточноевропейские военные реформаторы пытались совместить иррегулярный принцип организации и введение муштровки. Однако единственной относительной удачей в этом направлении удалось добиться на Военной Границе. По мнению В.И. Фредзона, основными занятиями мужчины-граничара и в мирное время были муштра, трудовая повинность и служба в пограничной охране [18]. Однако в этом регионе фактическое неучастие мужчин в мирной жизни было не нововведением, а традицией, и экономика как края, так и отдельных семей держалась в основном на женской рабочей силе [19]. Попытка же Александра I ввести в России военные поселения, которую он предпринял в том числе и после изучения опыта граничар [20], завершилась полным провалом. В отличие от иррегулярных войск более раннего периода, в военных поселениях была введена правильная военная подготовка по образцу постоянных войск, жизнь в них была полностью подконтрольна властям, а амуниция для поселенцев закупалась централизованно [21]. В результате тяжелая работа по хозяйству вступала в противоречие с не менее тяжелой муштровкой, солдаты не добивались успехов ни в том, ни в том, а офицеры, не имеющие должного опыта, не справлялись с экономическими управленческими функциями. Уровень боевой подготовки поселенцев все равно оставался недостаточным, а в их деревнях царствовала беспросветная нищета [22]. Таким образом, муштровка и иррегулярный принцип организации, за единичными исключениями, оказались несовместимы.

Преимущества постоянной армии не сводились к более качественной военной выучке. Понижение социального статуса солдата сделало его фактически бесправным. Военные власти предпочитали вербовать преступников, иностранцев, прочие люмпенизированные элементы, и к началу XVIII в. попасть рядовым в армию считалось несчастьем даже для крестьянина [23]. И в предыдущие столетия наемники отрывались от остального общества и не принимали участия в крестьянских восстаниях, однако тогда их статус был заметно выше, и они сами по себе могли диктовать волю нанимателям. Крупные наемные отряды, возглавляемые такими же наемными командирами, а не офицерами нанявшей их страны, легко выходили из под контроля, создавая множество проблем. Так, немецкий мемуарист Б. Застров, описывая поход армии Карла V, отмечал, что испанскими наемниками в дружественной стране было захвачено и обесчещено 400 женщин, а только в ходе одной стычки между испанскими и немецкими солдатами погибло почти 100 человек. Император сам не рисковал ссориться со своим войском и вынужден был закрывать глаза на подобные, по определению Б. Застрова, «шалости» [24]. Но опыт Тридцатилетней войны показал, в какой кошмар может превратиться подобная система организации в случае войны длительной, когда наемные армии плохо оплачиваются, не распускаются, и превращаются, по сути, в армии разбойников. На основании этого опыта одним из требований к постоянной армии стал полный контроль офицеров над солдатами [25]. Теперь рядовой состав западноевропейских армий не только был оторван от остального общества, но и стал, за исключением экстремальных ситуаций, абсолютно послушным, под все той же угрозой унтер-офицерских палок.

Восточноевропейские войска этой эпохи, напротив, все еще представляли потенциальную угрозу для центральной администрации. Они были тесно связаны с региональными традициями и местными органами власти, и в том случае, если последние выходили из-под контроля, под их командованием оказывались уже сформированные части. Например, еще в начале XVIII в. большая часть иррегулярных гусарских полков подчинялась не Вене, а магнатам, входившим в состав венгерского сейма [26], который в 1707 г. объявил Габсбургов низложенными, провозгласил уничтожение унии с Австрией и потребовал возвращения всей полноты власти в Венгерском королевстве местному правительству [27]. Мир с восставшими был заключен только в 1711 г., причем имперской власти пришлось гарантировать сохранение венгерской автономии и свободу вероисповедания [28]. Даже там, где местные власти не симпатизировали подобным сепаратистским взглядам, имели место восстания под лозунгом сохранения исторических традиций. В 1708 г. на Дону К. Булавин сумел добиться своего избрания войсковым атаманом, после чего уже в этом качестве пытался вести диалог с посольским приказом, выражая готовность служить царю, но требуя соблюдения исторических казачьих привилегий [29]. Но, возможно, самое необычное из подобных восстаний произошло в 1755 г. на Военной Границе. Восставшие захватили контроль над Вараджинским генералатом, убили часть офицеров и послали петицию в Вену, требуя соблюдения своих исторических прав. Однако, в отличие от булавинцев, они даже не пытались оказывать сопротивление прибывшим для подавления восстания частям регулярной армии, а Гофкригскрат, хотя военный суд и приговорил зачинщиков восстания к смертной казни, согласился удовлетворить ряд их требований [30].

Итак, те функции, которые прежде могли выполнять только восточноевропейские иррегулярные войска, с XVIII в. стали доступны и западноевропейским постоянным армиям. В то же время солдаты регулярных частей обычно обладали куда лучшей выучкой и в большей степени контролировались центральной администрацией. Тем не менее, даже в этих условиях у иррегуляров остались важные преимущества, которые никак нельзя было сбрасывать со счетов.

После разрушительнейшей Тридцатилетней войны в Европе не только появилась постоянная армия, но и изменились взгляды политиков на ведение военных действий. Возможно, наиболее емко новые идеи выразил Фридрих II, заявивший, что «Мирный гражданин не должен даже замечать, что нация сражается» [31]. Фуражировок у местного населения пытались избегать, а армия снабжалась обычно за счет заранее заготовленных запасов, от складов которых, например, Людовик XIV избегал удаляться более, чем на 5 дневных переходов [32]. Кавалерия в этих условиях выродилась в малоподвижный род войск, который во многих странах вообще не предполагалось использовать для атаки, и часто кавалеристы не умели ездить быстрыми аллюрами [33]. Разведывательной и аванпостовой службой просто пренебрегали. В частности, в прусской армии до Фридриха II почти не было легкой кавалерии, только тяжеловооруженные неповоротливые всадники, не обученные атаке с холодным оружием [34]. Российская регулярная кавалерия при Петре I была исключительно драгунской [35]. Опыт Первой Силезской войны показал, что регулярная кавалерия подобного образца не только не способна прикрывать пехоту на марше от венгерских гусар, но сама нуждается в ее защите [36]. Преимущества иррегулярных частей не ограничивались высокой подвижностью, способностью атаковать с холодным оружием и сохраненными навыками аванпостовой службы: они, фуражировавшиеся у местного населения, куда меньше зависели от тыловых баз. О сознательном использовании казаков для фуражировки свидетельствовал, в частности, П.А. Румянцев [37]. Наличие подобных частей, великолепно владевших тактикой малой войны и не зависящих от тыловых складов, делало возможным глубокие рейды в тыл противнику. В российской историографии более известен факт взятия Берлина русскими войсками в 1760 г., в котором существенную роль сыграли казаки. Тогда, заняв Берлин на четыре дня, русский корпус, достигавший численности в 23 000 человек, отступил после получения известий о приближении главных сил прусской армии [38]. Но на наш взгляд, еще более впечатляющий пример подобного использования иррегулярных частей принадлежит австрийцам, которые предприняли схожий рейд на Берлин еще в 1757 г., причем силами всего 4 000 всадников с Военной Границы [39]. Интересно отметить, что

И. Архенгольц, описывая данное событие, уделяет особое внимание тому, что австрийцы во время отхода избегали проезжих путей и двигались крайне быстро, что оказалось сюрпризом для прусской кавалерии и позволило им уйти от погони [40].

Другим существенным плюсом иррегулярных войск была их относительная дешевизна. Именно на этот факт обращали особое внимание сторонники совмещения муштровки и иррегулярной службы. Военная Граница благодаря широкому использованию трудовой повинности была переведена фактически на самообеспечение в мирное время [41]. Александр I считал, что введение военных поселений в России позволит в несколько раз увеличить численность армии при сокращении расходов на нее [42]. Впрочем, ситуация была несколько более сложной, чем думали сторонники иррегулярной организации, поскольку солдаты иррегулярных частей обычно не платили налоги, бесплатно пользовались своими участками, а их отвлечение на военную службу замедляло экономическое развитие региона. В частности, экономическая неразвитость и бедность Военной Границы были связаны именно с недостатком мужской рабочей силы [43]. Схожая ситуация наблюдалась и на Дону: М.Н. Харузин еще во второй половине XIX в. отмечал, что иногороднее население обладает куда большей хозяйственной смекалкой, чем казаچه, и сами казаки не могут в полной мере использовать потенциал своих хозяйств [44]. На наш взгляд, иррегулярные части действительно требовали от казны меньших денежных затрат, но уменьшали сумму налоговых поступлений и замедляли экономическое развитие регионов. Тем не менее, многие военные администраторы, особенно в случае недостатка денег в казне, возвращались к идеям распространения иррегулярности. Только в России, помимо попытки введения военных поселений, следует выделить эпоху Анны Иоанновны, когда на границах активно учреждались новые ландмилицейские части, а в регулярных войсках поощрялись занятия ремеслами [45].

Важнейшим преимуществом иррегулярных частей над постоянными было существование подготовленного резерва. Ф. Меринг отмечал, что в XVIII в. битвы носили крайне кровопролитный характер: так, при Цорндорфе прусские части потеряли 33 % численности, а российские – 40%, и такая доля потерь была не исключением, а правилом [46]. При этом резервные и запасные части отсутствовали в принципе, что делало крайне затруднительным восстановление численности армии даже после выигранной битвы [47]. Фридрих II, пытаясь решить эту проблему, дошел до поголовной записи в свою армию пленных саксонских солдат [48]. В конце Семилетней войны, когда финансовые и военные ресурсы Пруссии были крайне истощены, он даже использовал крайне экзотический для Западной Европы этой эпохи опыт ополчения и добровольческих частей. Не высоко оценивая их боеспособность, прусский монарх считал, что их использование при штурме неприятельских укреплений способно резко сократить потери действительно ценных регулярных полков [49]. В этих условиях иррегулярные части могли быть ценнейшим источником людских резервов. В частности, на ход войны за австрийское наследство значительное влияние оказала поддержка Марии Терезии венгерским сеймом, на сей раз выставившим многочисленные иррегулярные части не против, а в поддержку Вены [50]. Теоретически, при привлечении на службу всех граничар, одна Военная Граница была способна выставить до 1/5 от всей австрийской армии, что никак не соответствовало ни ее территории, ни населению [51]. Эта способность восточноевропейских иррегулярных войск быстро увеличивать численность оставалась востребованной до самой середины XIX в. Так, вот время революции 1848 г. именно срочная мобилизация на Военной Границе помогла Габсбургам сохранить итальянские владения [52], а реакцией российского правительства на польское восстание 1863 г. стала мобилизация на Дону 19 полков для его подавления [53].

Система постоянного войска, о которой мы подробно писали выше, никак не способствовала развитию у солдат сколько-либо высоких моральных качеств. Прежде всего, не был изжит принцип, согласно которому постоянные армии, подобно наемникам прежних веков, не имели никакого национального ядра. В армии часто вербовали иностранцев, зачастую насильно. В российской историографии достаточно известен сюжет о том, как М.В. Ломоносов был опоен прусскими вербовщиками и затем насильно записан на службу, с которой при первой возможности бежал [54]. Понятно, что многие солдаты, подвергающиеся постоянным телесным наказаниям и измученные муштрой, с удовольствием последовали бы его примеру. Обращаясь к опыту прусской армии, мы можем

увидеть, что для борьбы с дезертирством использовались кавалерийские части, в которых около 1/3 набиралось на добровольной основе только из пруссаков, причем в случае дезертирства наказывались родные солдата. На марше кавалерия должна была не только прикрывать пехоту, но и конвоировать ее, пресекая попытки к бегству [55]. Когда мы говорим о преимуществе иррегулярных частей при ведении рейдовых действий, когда мы отмечаем их большую мобильность, нужно помнить, что эти качества обеспечивались не только особой военной традицией, но и более высокими моральными качествами солдат. Даже некоторые простейшие действия, не требующие особых тактик, в XVIII в. были доступны только иррегулярам. Так, глубокое преследование разгромленного противника регулярной кавалерией считалось невозможным именно из-за опасности дезертирства [56].

Таким образом, с чисто военной точки зрения в XVIII в. ситуация для восточноевропейских иррегулярных войск изменилась принципиально. Постоянные части взяли на себя их важнейшие функции по защите границ от набегов и стали способны к ведению длительных непрерывных войн. В то же время быстро выяснилось, что постоянные и иррегулярные части обладают совершенно разным набором достоинств и недостатков, которые сложились в ходе длительной эволюции во время войн с совершенно различными противниками. Подобная ситуация привела к резкому увеличению конкуренции между регулярными и иррегулярными частями и к многочисленным попыткам их реформ на основании чужого опыта. Но, прежде чем мы перейдем к более подобному рассмотрению этих процессов, имеет смысл остановиться на других событиях в Восточной Европе, оказавших непосредственное влияние на эволюцию иррегулярных частей.

Для восточноевропейских государств XVIII в. ознаменовался резким усилением централизации и формированием абсолютной монархии (исключением была только Польша, но она к концу столетия перестала существовать). А. Каппелер хорошо охарактеризовал влияние данного процесса на российское казачество: «Когда-то вольные казацкие войска на протяжении XVIII в. подвергались возрастающему контролю» [57]. Аналогичные тенденции имели место и в Австрии. К началу XVIII в. Военная Граница обладала достаточно широким самоуправлением на местном уровне, в соответствии с так называемым *Statuta valachorum*, принятым в 1630 г. [58]. Идея о предоставлении Военной Границе не только местного, но и регионального самоуправления путем воссоединения ее с автономной Хорватией, имела определенную поддержку даже у имперской элиты. В 1703 г. был уже подписан ряд императорских указов, регламентировавших передачу Военной Границы под власть хорватского бана. Однако в силу ни один из этих указов не вступил из-за восстания Ф. Ракоци [59]. Важно отметить, что хорватский сейм не поддержал данного восстания, сохранив верность Габсбургам [60]. Однако после его подавления вопрос о возможном переподчинении Военной Границы хорватским властям уже не ставился: имперское правительство желало сохранить над ними полный контроль. Данный процесс получил логическое завершение при Марии Терезии, когда в 1743 г. был ликвидирован руководивший Военной Границей особый Военный совет в Граце, и контроль над ней был передан непосредственно гофкригсрату (австрийский аналог военного министерства) [61]. Одновременно шло и наступление на местное самоуправление: в период 1737-1754 гг. все его элементы были ликвидированы [62]. Военная Граница была взята под полный правительственный контроль, сравнимый с тем, который имел место в российских военных поселениях. В Венгрии, где ситуация хуже контролировалась властями (напомним, что восстание Ф. Ракоци в начале XVIII в. закончилось фактически вничью и венгерская аристократия сохранила прежнее могущество) после Силезских войн имперские власти просто перестали созывать сейм, формально не ликвидировав местной автономии, но реально сведя ее к фикции из-за отсутствия основного представительского органа [63].

Таким образом, проблемы иррегулярных войск лежали не только в военной сфере. В абсолютистских Австрийской и Российской империях центральные власти вели наступление на автономные регионы, и под ударом неизбежно оказывались те органы местной власти, с которыми были связаны иррегулярные войска. Даже в том случае, если, как на Военной границе, подобные органы демонстрировали достаточно высокую лояльность, правительство предпочитало иметь дело не с выборными людьми, а с назначенными военной администрацией офицерами. Степень автономии различных восточноевропейских иррегулярных войск существенно различалась, поэтому где-то, как на

Военной Границе, прежняя выборность была уничтожена полностью [64], а где-то, как на Дону, ее элементы могли сохраниться на местном и даже региональном уровне [65]. Тем не менее, в целом XVIII в. ознаменовался попытками резкого усиления контроля над не только военной, но и гражданской жизнью иррегуляров.

И это порождало две новые проблемы. О первой из них мы уже кратко упоминали выше: следствием усиления правительственного контроля стали местные восстания, проводимые под лозунгом возрождения исторических традиций. Были и иные пути выражения недовольства политикой центральной власти. В частности, Новая Сербия появилась именно вследствие нежелания части граничар жить по новым правилам [66]. В этих условиях и без того не слишком дисциплинированные иррегулярные части делались еще опаснее для центральной власти. Но, на наш взгляд, еще более серьезной была вторая проблема. От местных и центральных властей требовалось в исторически ограниченные сроки разработать новые формы взаимодействия военной власти и населения иррегулярных войск, выработать такие институты, которые обеспечили бы и высокую боеспособность выставляемых частей, и дисциплину в мирное время, и нормальное гражданское развитие региона. Опыт регулярных войск тут не годился совершенно: большая их часть из-за угрозы дезертирства в мирное время находился в охраняемых лагерях [67], в то время как иррегуляры были хозяевами на своей земле. В результате возникающие формы гражданского управления были в лучшем случае удовлетворительными, и их функционирование даже в обычных условиях было затруднено. В Австрии ситуация дополнительно усложнялась из-за того, что большая часть имперских чиновников и офицеров была немецкого происхождения, и не знала ни славянских, ни венгерского языка. Так, на Военной Границе офицеры-славяне в XVIII в. фактически дискриминировались, и почти не имели шансов дослужиться до майора, а в судебной системе царил хаос и произвол из-за неспособности судей без помощи переводчиков понимать показания граничар (в свою очередь, переводчики зачастую переводили «как будет угодно начальству») [68]. В куда менее лояльной Габсбургам Венгрии попытка ввести немецкий язык в качестве государственного, предпринятая Иосифом II, полностью провалилась, однако до этого способствовала дестабилизации ситуации в стране [69].

Но даже в России, где языковая ситуация была значительно лучше, попытки изменить гражданское устройство иррегулярных частей не привели к особым успехам. Впрочем, некоторые дореволюционные авторы считали, что появление сколько-либо организованного гражданского правительства уже было шагом вперед, по сравнению с предыдущим периодом, когда анархия войскового круга сменялась диктатом атамана [70-71]. Однако на практике «гражданским» данное правительство можно было назвать только очень условно: большую его часть вплоть до XX в. составляли офицеры, зачастую лишенные достаточного опыта, а полностью разделить военные и гражданские функции не представлялось возможным [72]. Дополнительно ухудшал ситуацию тот факт, что число желающих занять чиновничьи вакансии было недостаточным, и зачастую важные выборные должности занимал единственный кандидат [73]. Наконец, если до XVIII в. милитаризованность гражданской жизни иррегулярных войск была закреплена главным образом традицией, то с этого времени она подтверждалась имперскими законами и установлениями.

Последним фактором, сыгравшим существенную роль в эволюции восточноевропейских иррегулярных войск в XVIII в., было явное ослабление позиций Османской империи. Поражение, которое последняя потерпела в войне со Священной лигой, существенно изменило соотношение сил в Восточной Европе в пользу христианских государств [74-75]. По мнению Д.В. Сеня, именно в это время в степном Причерноморье начали формироваться границы европейского типа, исключая возможность набегов [76]. На наш взгляд, аналогичная ситуация на Балканах была одной из причин, по которой хорватский сабор требовал не только переподчинения ему Военной границы, но и пересмотра ее административно-политического устройства в сторону демилитаризации [77]. Первоначальная задача восточноевропейских иррегулярных войск, защита от восточной агрессии, была в основном уже выполнена.

В этих условиях пограничный статус иррегулярных войск быстро утрачивал прежнее значение. Отдельные набеги продолжались (так, на Дону последние из них датировались

1783 г.) [78], однако их масштаб значительно упал. Больше не было необходимости держать основную массу иррегуляров на восточных и южных границах, и это создало предпосылки для их массового участия в европейских войнах. Не случайно Н.И. Краснов датировал начало участия казаков во всех войнах Российской империи именно началом XVIII в. [79]. В.И. Фрейдзон считает XVIII в. эпохой максимального значения граничар в габсбургской армии, и так же отмечает, что с этого времени началось их привлечение к участию во всех войнах австрийской монархии, независимо от их географии [80]. Широко известно, что в 1814 г. казаки дошли до Парижа, но за два года до этого граничарские части в составе армии Наполеона участвовали в походе на Москву (в 1809 г. часть Военной Границы в составе Иллирийских провинций была присоединена к Франции) [81]. Таким образом, если в предыдущие столетия восточноевропейские иррегулярные войска были локальной силой, своеобразной приметой христианско-мусульманской границы, то с XVIII в. география их массового применения в вооруженных конфликтах распространилась от Москвы до Парижа. Следует отметить, что менее четко привязанные к определенной территории иррегулярные части, подобные стрельцам, и до этого принимали участие в службе на отдаленных театрах военных действий, однако при этом частыми были бунты и требования вернуть их домой, если война затягивалась [82].

Значимым результатом расширения географии применения восточноевропейских иррегулярных войск стало появление у них нового противника: гусарам, казакам, уланам, граничарам все чаще приходилось сражаться с европейскими постоянными армиями. Ярчайшим примером такого противостояния стала Семилетняя война, в ходе которой Австрия и Россия сумели использовать свою иррегулярную кавалерию в качестве значимого козыря при столкновении с первоклассной армией западноевропейского образца на ее территории. Эффект, произведенный на пруссаков кроатами (кавалерийские части с Военной Границы) и особенно казаками, оказался неизгладимым. И.В. Архенгольц, участник Семилетней войны, описывал последних с почти суеверным ужасом. «Между тем легкие отряды русских, в числе 12 000 казаков, калмыков и татар, произвели в стране столь ужасные опустошения огнем и мечом, каких Европа не испытывала со времени нашествия гуннов. Эти изверги убивали и калечили безоружных людей с сатанинским наслаждением». Далее прусский офицер уделяет целый абзац описанию зверств, обвиняя казаков даже в разрытии могил и разрывании людей на части [83]. Рассказы о «диких» казаках начали складываться именно в то время, и основной причиной их зарождения, на наш взгляд, было полное непонимание европейцами тактики иррегулярных войск, о которой мы писали выше. Возникшие в условиях постоянных набегов и фуражирующие за счет местного населения, они действительно могли показаться чем-то, с одной стороны, крайне эффективным, а с другой – невероятно варварским, относящимся к давно прошедшей эпохе.

Но постепенная потеря приграничного статуса вела и к другим изменениям, возможно, менее заметным, но более глубоким. Менялся уклад жизни, и эти изменения были тем сильнее, чем опаснее первоначально были зоны проживания иррегулярного войска. Неоднократно упоминавшийся нами Н.И. Краснов считал, что если до XVIII в. казаки были исключительно воинами, то с этого времени каждый из них выступал в социальной роли как «воина», так и «гражданина», причем чем успешнее было его хозяйство, тем неохотнее он служил [84]. Гендерное распределение ролей у граничар, когда в роли хозяйки выступала женщина, а мужчина был воином и защитником, на наш взгляд, так же было порождено специфическими условиями опасного пограничья. В результате прежний уклад жизни, укорененный в традициях восточноевропейских иррегулярных войск, постепенно становился не соответствующим новым реалиям. Ситуацию дополнительно усложняли реформы гражданского управления, связанные с абсолютистской тенденцией, которые могли как стремительно ускорить распад исторического уклада, так и затормозить его. Пока что этот фактор был второстепенным по сравнению с остальными приведенными нами, но в XIX в. ему предстояло выйти на первую роль.

Итак, три совпавших по времени события сделали неизбежным преобразование иррегулярных войск в XVIII в. Этими событиями являлись появление постоянных армий, рост абсолютистских тенденций в восточноевропейских государствах и постепенная ликвидация границ азиатского типа. В очень общем виде на эти факторы указывал еще М.А. Глазенкампф в своей статье для «Энциклопедии военных и морских наук». Им были

отмечены и «беспорядки» в организации иррегуляров, и «опасность» служащих в них солдат в мирное время, и уменьшение роли иррегулярных частей по мере обеспечения границ. Кроме того, он предложил термин «регуляризованные» для тех частей, которые в результате правительственных реформ оказались полностью поглощены постоянной армией [85]. Развивая предложенную им терминологию, мы считаем возможным назвать начало XVIII в. периодом «первого кризиса восточноевропейских иррегулярных войск», а процесс, который начался параллельно во всех иррегулярных войсках от Адриатики до Урала в XVIII в. мы предлагаем именовать «регуляризацией».

На первом этапе этого процесса постоянные и иррегулярные части сосуществовали, и их влияние друг на друга носило спорадический и случайный характер. Уничтожение Петром I стрельцов было исключением, продиктованным скорее политическими, чем военными факторами. Более того, в 1709 г. из остатков стрелецких полков им же была сформирована ландмилиция, взявшая на себя функцию охраны южных окраин [86]. В свою очередь, гусарские полки европейских армий, например, французской, хотя и состояли из наемников, были так же малодисциплинированы, как и иррегулярные полки [87]. На наш взгляд, большая часть реформ иррегулярных войск этого периода была связана не с эволюцией военного дела, а с растущей централизацией и вызываемыми ей восстаниями. Достаточно активно шел процесс создания новых иррегулярных войск: в России, помимо ландмилиции, создавались новые казачьи войска [88], в Австрии учреждались новые участки Военной Границы [89]. Один из самых ярких и амбициозных проектов этого периода был связан с неоднократно упоминавшейся нами Новой Сербией. На его неудаче, в виду ее симптоматичности, имеет смысл остановиться более подробно.

Гусарские полки в российской армии начали формироваться при Анне Иоанновне, как и во многих других странах, из балканских наемников [90]. Гусарская кавалерия была достаточно востребована, российская казна пребывала в плачевном состоянии [91], и уже следующая правительница, Елизавета Петровна, с интересом отнеслась к предложениям И. Хорвата, полковника австрийской службы. Следует отметить, что Военная Граница в это время опережала в развитии казачьи войска и переживала уже второй этап регуляризации, о котором мы подробнее будем писать ниже. Именно недовольство новыми порядками и привело к появлению проекта И. Хорвата: последний предлагал организовать переселение граничар в Россию, если российская императрица выделит им территорию и даст жить по прежним правилам [92]. И. Хорват получил генеральский чин на русской службе, обширные полномочия и денежные суммы... и полностью провалил реализацию предложенного им проекта.

Н. Спичинский, инспектировавший Новую Сербию, отмечал, что у ее солдат полностью отсутствовала строевая подготовка, учения не проводились из-за отсутствия пули и пороха, а сами солдаты не знали, где купить форму (как мы видим, почти полное совпадение с проблемами, отмеченными М.Ю. Романовым в стрелецких полках) [93]. Когда началась Семилетняя война, Новая Сербия смогла выставить всего 1 093 гусаров, отличавшихся плохой выучкой и снаряжением [94]. Зато поселенцы создавали массу проблем для российской дипломатии, совершая набеги на соседей, в частности польских магнатов [95]. Безусловно, вложив в создание российского аналога Военной границы 700 000 рублей, центральная власть могла рассчитывать на большие успехи [96].

Схожие недостатки были характерны для многих других иррегулярных войск первого периода регуляризации. Многочисленные на бумаге, на практике они часто выставляли не такие большие отряды сомнительной боеспособности. В частности, российскую ландмилицию даже не пытались использовать во время крупных войн, а такой крупный военный деятель, как П.А. Румянцев, став генерал-губернатором Малороссии, просто расформировал большую часть поселенных отрядов, возложив охрану границы на регулярные части и казаков [97]. В то же время, как показывает пример венгерского ополчения во время войны за Австрийское наследство, в случае патриотического подъема иррегулярные части могли быть даже многочисленнее, чем предполагалось, а недостаток муштры в какой-то степени компенсировался высоким боевым духом [98]. В конечном счете эффективность иррегулярных частей оказывалась связана со множеством факторов, некоторые из которых, например, уровень военной подготовки в семьях, можно было просчитать заранее, но большая часть едва ли поддавалась учету. Так, во время войны за

Австрийское наследство многие современники полагали, что венгерский сейм, несколько десятилетий назад пытавшийся свергнуть Габсбургов, не поддержит Марию Терезию, и не выставит для нее войск. По наиболее распространенной версии, решающими для начала патриотического подъема оказались абсолютно субъективные факторы: на эмоциональных венгров огромное впечатление произвела речь юной королевы, просившей их о защите (сама Мария Терезия позднее признавала, что ее власть спасли именно венгерские магнаты) [99-100].

Ситуация начала стремительно меняться в 1740 г., причем одна из причин этих изменений лежала вне самих иррегулярных войск. Королем Пруссии стал Фридрих II, которому вскоре предстояло лично столкнуться с венгерскими гусарами. В 1741 г, во время первой Силезской войны, он убедился, что австрийская легкая кавалерия легко прорывается через прусские кордоны и уничтожает отделившиеся от главных сил части. Вскоре, во время одной из вылазок, сам Фридрих едва не попал в плен [101]. Во время первого своего крупного сражения, под Мольвицем, прусский король убедился в полной не боеспособности своей кавалерии [102]. Результатом этого стала серия военных реформ, приведшая к росту значения регулярной легкой кавалерии и серьезным изменениям в военном деле. Фридрих Великий вернулся к использованию быстрой атаки с холодным оружием [103], причем гусарским частям во время нее отводилась особая роль. Число гусарских полков в прусской армии было увеличено в четыре раза [104], и теперь они должны были во время атаки заходить во фланг и тыл противнику, разбивая его строй и облегчая фронтальную атаку кирасир и драгун [105]. Сам по себе этот тактический ход не был новинкой: подобную тактику при комбинированной атаке с тяжелой кавалерией, по свидетельству Н.И. Краснова, использовали казаки [106]. Кроме того, прусские гусары обучались рейдам в тыл противника и аванпостовой службе, из расчета на то, что им предстоит противостоять в этой роли австрийским иррегулярным частям [107].

Таким образом, Фридрих Великий первым разглядел потенциал использования полностью регулярными частями иррегулярной тактики. Однако результат получился довольно неожиданным. Как показала Семилетняя война, прусские гусары все равно не могли на равных сражаться с казаками, гусарами и кроатами во время мелких стычек и рейдов. Мы уже писали о рейде граничар на Берлин; для их преследования был выделен целый корпус, кавалерией которого командовал знаменитый Ф.В. Зейдлиц. Более того, пути отступления были перерезаны главными силами прусской армии под командованием самого короля. Тем не менее, австрийцам удалось, благодаря умелому применению иррегулярных тактик, избежать какого-либо столкновения с противником [108]. Если русским и австрийцам удавалось действовать неожиданно, как, например, во время набегов на Берлин, то все маневры прусской армии оказывались обнаружены российской кавалерией, что давало ей серьезное преимущество [109]. Да и столкновения русских гусар и казаков с прусскими гусарами в мелких стычках почти всегда заканчивались в пользу первых [110].

Зато комбинированная атака тяжелой и легкой регулярной кавалерии оказалась крайне эффективной, на какое-то время став уникальным оружием прусской армии. Наиболее ярко это продемонстрировало Цорндорфское сражение, в ходе которого русским дважды удалось опрокинуть пехоту противника, однако благодаря действиям прусской кавалерии поле боя осталось за пруссаками [111]. По мнению Ф. Энгельса, большая часть других побед Пруссии в Семилетнюю войну так же была одержана именно благодаря новой организации и новым тактикам кавалерии [112]. На какое-то время благодаря такому прорыву в военном деле прусские конные части могли даже выполнять функции, традиционно отводимые пехоте: так, упомянутый Ф.В. Зейдлиц одними кавалерийскими частями выбивал неприятельскую пехоту с укрепленных позиций и лобовой атакой брал неприятельские батареи (любопытно отметить, что в знаменитом Кунерсдорфском сражении это обстоятельство привело к увеличению прусских потерь: Фридрих в отчаянии отдал приказ силами одной кавалерии атаковать русские батареи, расположенные на холме [113]). Безусловно, победы одерживали не только гусары, но и другие кавалерийские части. Но Фридрих Великий сумел именно эффективно совместить тактики регулярных и иррегулярных войск, и в дальнейшем это оказало решающее влияние на судьбы гусар и уланов.

Российская и австрийская армии, столкнувшись с прусской регулярной кавалерией, были вынуждены искать конрмеры. Их драгунские и кирасирские подразделения сами по

себе не справлялись с равными по численности отрядами пруссаков, и только применение комбинированных тактик с заходом иррегуляров во фланг давало им шанс за счет преимущества казаков и кроатов над прусскими гусарами [114]. На наш взгляд, именно в это время складывалось разделение ролей между регулярной и иррегулярной кавалерией, закрепленное в изданиях XIX в. Так, «Военный лексикон» утверждал, что иррегулярная кавалерия в принципе не приспособлена к действиям в сомкнутом строю и предназначена для «малой войны» [115]. Н.И. Краснов, характеризуя действия казачьих частей, так же указывал на их особую эффективность в данной области [116]. Наконец, Ф. Энгельс, признавая преимущество иррегуляров в мелких стычках, отмечал, что в крупных сражениях они эффективны только против потерявших строй частей [117]. Единственным способом использования иррегулярной кавалерии вне преследования противника, рейдовых и аванпостовых действий так и осталась описанная комбинированная тактика, при которой иррегуляры заходили противнику с флангов. Однако степень эффективности иррегулярных частей при подобном применении остается дискуссионной. С одной стороны, как мы писали выше, подобный тактический ход приносил победы русским и австрийцам в Семилетнюю войну. С другой стороны после нее австрийская кавалерия была реформирована по прусскому образцу [118], а в России были ликвидированы слободские и поселенные гусарские полки, вместо которых создавались регулярные гусарские части [119]. Следовательно, и в России и в Австрии регулярные гусары были признаны эффективнее гусар иррегулярных. Только кроаты и казаки в подобных фланговых атаках не уступали, и даже превосходили регулярную кавалерию [120], однако Военная Граница, как мы показали выше, была единственным регионом, где удалось совместить иррегулярный принцип службы и муштровку, а казаки являлись «естественными воинами», у которых необходимость военного обучения проявилась только к середине XIX в. из-за угасания военных традиций в станицах [121].

Экспериментировал Фридрих II с иррегулярной пехотой, однако здесь он преследовал совершенно иные цели и задачи. Уже после Семилетней войны в прусской армии восторжествовала так называемая кантонная система, имеющая сходство с организацией иррегулярных частей. Дело в том, что в прусской армии вербовкой и оплатой службы занимались сами офицеры, которым для этих целей выдавалась фиксированная сумма. В соответствии с кантонной системой им разрешалось вербовать собственных крестьян, давать им минимальное военное обучение, а затем распускать до войны [122]. На наш взгляд, в этом случае, как и в большинстве прочих, когда в постоянных армиях вводились не тактические, а организационные особенности иррегулярных частей, экономические факторы возобладали над чисто военными. Из Семилетней войны Пруссия вышла разоренной, и только государственные расходы на восстановление страны составили 24 399 838 талеров [123]. Сам Фридрих Великий сравнивал разорение Пруссии с разорением Германии после Тридцатилетней войны [124]. В прежние, более благополучные годы, прусский король не пытался проводить подобных экспериментов. Какого-либо развития и продолжения кантонная система в Пруссии не имела и была отменена в начале XIX в, хотя некоторые авторы считали ее предшественницей всеобщей воинской повинности [125]. Зато в 1798 г. кантонная система была введена на восточных окраинах России, в Пермской и Оренбургской губерниях, для казачьего, башкирского и мещерского населения. Хотя российский и прусский варианты кантонной системы имели существенные различия (в прусском главную роль в приписке к кантону играла принадлежность солдат-крепостных крестьян одному хозяину, а в русском – проживание лично свободных казаков или башкир на одной территории), характерно, что кантонная система была введена в России именно для иррегулярных войск, и для них, в отличие от регулярных частей прусской армии, оказалась достаточно эффективна, просуществовав до 1865 г. [126].

Таким образом, с 1740 гг. постоянные армии начали активно перенимать опыт иррегулярных войск, заимствуя у них различные тактики и организационные элементы. По-прежнему уступая иррегулярам в дешевизне и боевом духе, регулярные гусары отличались лучшей дисциплиной и военной выучкой. Введение кантонной системы способствовало уменьшению военных затрат в Пруссии. Однако и некоторые иррегулярные войска начали перенимать опыт постоянных армий. Процесс начался с Военной Границы, на которой условия середины XVIII в. располагали к этому в наибольшей степени.

Нужно отметить, что финансовые проблемы во владениях Габсбургов возникали почти постоянно. Война за Австрийское наследство особенно ярко обнажила данную проблему: значительную часть военных расходов была вынуждена взять на себя союзная Австрии Великобритания, поскольку в имперской казне денег не осталось [127]. Кроме того, опыт использования венгерского ополчения в ходе данной войны, как мы указывали выше, оказался крайне удачным. Поэтому нет ничего удивительного в том, что еще до завершения военных действий центральное правительство начало реформировать Военную границу, пытаясь обеспечить максимальную боеспособность граничарских частей. Теперь Военная граница делилась на полки, представляющие собой как военные, так и территориально-административные образования [128] (в отечественной историографии их так же именуют «региментами», от немецкого слова *regiment*). Полки были разделены на роты, а роты на общины, причем во главе всех этих образований стояли кадровые офицеры, исполняющие обязанности как командиров в военное время, так и чиновников в мирное [129]. В дальнейшем в подобное устройство вносились изменения (в 1766 г. между полком и ротой была создана батальонная инстанция [130]), однако неизменным оставалось полное подчинение гражданской жизни и гражданского управления краем военным. Было введено правильное военное обучение, единым командным языком стал немецкий, оплата офицерских должностей была унифицирована, а требования к желающим занять офицерские вакансии серьезно ужесточились [131]. Выше мы писали, что с точки зрения гражданского и экономического развития реформы иррегулярных войск в XVIII в. были крайне сомнительны. Тем не менее, они отвечали своей главной цели: если организованная по прежнему образцу Новая Сербия продемонстрировала в Семилетнюю войну полную военную неэффективность, то Военная Граница напротив, с честью вышла из испытания войной [132]. Однако очень немногие восточноевропейские иррегулярные войска последовали по этому пути.

Например, в Венгрии и Польше аналогичные процессы просто не начались. Как известно, Речь Посполитая потеряла значительную часть казачьих территорий еще в XVII в., а на оставшихся под ее властью землях гетманат был ликвидирован в 1699 г. [133]. Последним иррегулярным войском в ее армии остались уланы, однако их развитие еще до 1740 г. пошло по совершенно особому пути. В значительной степени это было обусловлено крайне специфическим политическим устройством Польши, существованием польско-саксонской унии: например, в Семилетнюю войну Речь Посполитая сохраняла нейтралитет, однако ее король в качестве саксонского курфюрстра активно участвовал в военных действиях. По этой причине уланские полки, входящие в число наиболее боеспособных польских частей, формально до 1764 г. были включены в состав не польской, а саксонской армии [134]. Их организация была близка организации гусарских полков западных армий до Фридриха Великого: уланские полки стали наемными, однако служили в них только татары, изучением тактики которых никто не занимался. Поэтому в Семилетнюю войну появление улан стало неожиданностью для пруссаков и произвело на них большое впечатление (И.В. Архенгольц сравнивал их тактику с тактикой парфян) [135]. После войны регулярные уланские части начали формироваться и за пределами Польши [136], причем на первом этапе имели место определенные эксперименты. Например, в России первоначально пытались в очередной раз сэкономить, создавая поселенные пикинерские полки. Однако практика в очередной раз показала неэффективность подобных практик: один из полков в ходе русско-турецкой войны 1769-1774 г. дезертировал в полном составе. Хотя под угрозой наказания родственников солдат удалось вернуть, и к концу войны пикинеры действовали вполне эффективно, в 1783 г. было решено закончить с экспериментами и сформировать из поселенных пикинеров регулярные легко-конные полки [137]. В дальнейшем, после разделов Речи Посполитой, уланские части формировались уже в полном соответствии с принципами организации регулярной армии, хотя и сохранили прежнюю тактику, и в восточноевропейских странах предпочитали вербовать в подобные подразделения поляков и татар [138].

В Венгрии специфика ситуации была несколько иной. После восстания Ф. Ракоци и наглядной демонстрации силы венгерского ополчения во время войны за Австрийское наследство имперские власти действовали в этой стране крайне осторожно [139]. В итоге

гусарские части были просто постепенно переподчинены Вене [140], а затем, как мы писали выше, реформированы по прусскому образцу.

Что касается России, то в ней аналогичные процессы начались несколько позднее. На это до нас указывал А.И. Кирпиченко, обращавший внимание, что реформы Военной Границы 1740 г. близки к преобразованиям казачьих войск 1760-1770 г. [141]. Причины такой задержки, на наш взгляд, следует искать как в объективных, так и в субъективных факторах. С одной стороны, Россия не испытала в 1740 г. таких потрясений, как Австрия, и проблемы боеспособности иррегулярных войск не имели для нее такой значимости. С другой стороны, Елизавета Петровна не была реформатором такого масштаба, как Мария Терезия. Поэтому нет ничего удивительного, что реформы иррегулярных войск в России начались после получения опыта Семилетней войны и восшествия на престол Екатерины II. Был реализован как граничарский вариант, с полной милитаризацией гражданской жизни иррегуляров и жестким подчинением их военным властям, так и польско-венгерский, с ликвидацией иррегулярных частей и созданием на их месте регулярных подразделений. Поскольку регуляризация шла теми же путями, что и в других восточноевропейских странах, мы не будем подробно останавливаться на ее деталях. Отметим лишь, что одной из первых была уничтожена Новая Сербия. Земли поселенцев были включены в состав новосоздаваемой Новороссийской губернии [142], особая военная структура на их территориях упразднена [143]. В 1760-1780 г. были ликвидированы так же ландмилиция, поселенные полки и слободские войска, зато на людей, прежде отбывавших прежде службу в этих частях распространялась воинская повинность [144]. Одновременно казаки в плане тактического использования и общего уровня подготовки постепенно приближались к регулярной кавалерии. Н.И. Краснов даже считал, что к началу XIX в. казаки перестали быть иррегулярной кавалерией и стали кавалерией легкой [145]. Меры для достижения этой цели были близки тем, что имели место на Военной границе. В частности, на Дону военная и гражданская власть была сосредоточена в руках назначаемого атамана, офицерские чины были уравнены с армейскими, а Войсковой круг фактически лишен полномочий [146].

Выводы

Итак, регуляризация восточноевропейских иррегулярных войск XVIII в. была достаточно сложным и многовариантным процессом, а ликвидированные в ее ходе части не пропали бесследно. Само их уничтожение стало возможно только после того, как постоянные армии восприняли их опыт, и в них появились крупные отряды легкой кавалерии, сознательно использующие первоначально иррегулярные тактики. Если до 1740 г. немногочисленные прусские, французские и испанские гусарские, саксонские уланские полки были своеобразной экзотикой, не оказывавшей существенного влияния на ход военных действий, то после реформ Фридриха II более обученные, более подконтрольные центральной власти, способные выполнять большую часть функций иррегуляров части регулярной легкой кавалерии вытеснили большую часть иррегулярных войск за считанные десятилетия.

Зато те иррегулярные войска, которые не были ликвидированы во время первого кризиса иррегулярности, стали значительно более мощным, специализированным и покорным центральной власти оружием. Фактически, их функция внутри вооруженных сил России и Австрии была полностью изменена: из охранников границ казаки и граничары превратились в легкие части, обеспечивающие действия регулярной армии. Такой авторитет в военном деле, как Наполеон, полагал, что казаки и кроаты составляют лучшие легкие подразделения в Европе [147].

Примечания:

1. Peretyatko A.Y. «European Cossacks» in XVI–XVII Centuries: the Phenomenon of Irregularity from the Adriatic Sea to the Urals // Военный сборник, 2015, Vol.(8), Is. 2. P. 104-118.
2. Краснов Н.И. Военное обозрение Земли Донского Войска. СПб.: Военная типография, 1870. С. X.
3. Архенгольд И.В. История Семилетней войны. М.: АСТ, 2001. С. 82.
4. Peretyatko A.Y. «European Cossacks» in XVI–XVII Centuries: the Phenomenon of Irregularity from the Adriatic Sea to the Urals. P. 104-118.

5. Меринг Ф. Военно-исторические экскурсии // Меринг Ф. История войн и военного искусства. СПб.: Полигон, 2000. С. 127-129.
6. Романов М.Ю. Стрельцы московские. М.: Гос. публ. ист. библиотека России, 2004. С. 56.
7. Романов М.Ю. Стрельцы московские. С. 55-56.
8. Ненахов Ю.Ю. Войны и кампании Фридриха Великого. Минск: Харвест, 2002. С. 124.
9. Романов М.Ю. Стрельцы московские. С. 56.
10. Ненахов Ю.Ю. Войны и кампании Фридриха Великого. С. 120.
11. Ненахов Ю.Ю. Войны и кампании Фридриха Великого. С. 55.
12. Ненахов Ю.Ю. Войны и кампании Фридриха Великого. С. 119.
13. Меринг Ф. От Тильзита до Таурогена // Меринг Ф. История войн и военного искусства. С. 307.
14. Ненахов Ю.Ю. Войны и кампании Фридриха Великого. С. 86.
15. Меринг Ф. Военно-исторические экскурсии. С. 136-138.
16. Меринг Ф. Военно-исторические экскурсии. С. 132.
17. Керсновский А.А. История русской армии. Смоленск: Русич, 2004. С. 95.
18. Фрейдзон В.И. История Хорватии. СПб.: Алетейя, 2001. С. 76.
19. Березин, Л.В. Хорватия, Славония и Далмация и Военная граница. Т.2. СПб.: Тип. и хромолит. А. Траншеля, 1879. С. 349.
20. Фрейдзон В.И. История Хорватии. С. 78.
21. Керсновский А.А. История русской армии. С. 259-264.
22. Керсновский А.А. История русской армии.
23. Меринг Ф. Военно-исторические экскурсии. С. 127-129.
24. Меринг Ф. Военно-исторические экскурсии. С. 101-102.
25. Меринг Ф. Военно-исторические экскурсии. С. 129.
26. Vuksic V., Grbasic Z.. Cavalry. The History Of A Fighting Elite. Hong Kong: Arms & Armour, 1993. С. 162.
27. Шимов Я. Австро-Венгерская империя. М.: Эксмо, 2003. С. 129-130.
28. Шимов Я. Австро-Венгерская империя.
29. Пронштейн А.П, Мининков Н.А. Кондратий Афанасиевич Булавин. М.: Просвещение, 1988. С. 88-89.
30. Фрейдзон В.И. История Хорватии. С. 77-78.
31. Меринг Ф. Внешняя и военная политика Фридриха II // Меринг Ф. История войн и военного искусства. С. 196.
32. Меринг Ф. Внешняя и военная политика Фридриха II. С. 129.
33. Энгельс Ф. Кавалерия // Энгельс Ф. О военном искусстве. О теории насилия. М., СПб.: Эксмо, Terra Fantastica, 2003. С. 114-115.
34. Энгельс Ф. Кавалерия. С. 115.
35. Керсновский А.А. История русской армии. С. 52.
36. Ненахов Ю.Ю. Войны и кампании Фридриха Великого. С. 170-171.
37. Ненахов Ю.Ю. Войны и кампании Фридриха Великого. С. 192.
38. Керсновский А.А. История русской армии. С. 89.
39. Ненахов Ю.Ю. Войны и кампании Фридриха Великого. С. 452.
40. Архенгольц И.В. История Семилетней войны. С. 80.
41. Фрейдзон В.И. История Хорватии. С. 76-77.
42. Керсновский А.А. История русской армии. С. 258.
43. Березин, Л.В. Хорватия, Славония и Далмация и Военная граница. Т.2. С. 349.
44. Харузин М.Н. Сведения о казацких общинах на Дону: материалы для обычного права: вып. 1. М.: тип. М.П. Щепкина, 1885. С. XXXVIII.
45. Керсновский А.А. История русской армии. С. 61.
46. Меринг Ф. Военно-исторические экскурсии. С. 142.
47. Меринг Ф. Военно-исторические экскурсии. С. 143.
48. Ненахов Ю.Ю. Войны и кампании Фридриха Великого. С. 378-379.
49. Меринг Ф. Внешняя и военная политика Фридриха II. С. 191.
50. Ненахов Ю.Ю. Войны и кампании Фридриха Великого. С. 276.
51. Фрейдзон В.И. История Хорватии. С. 76.

52. Энгельс Ф. Армии Европы // Энгельс Ф. О военном искусстве. О теории насилия. С. 233.
53. Государственный архив Ростовской Области. Ф. 344. Оп. 1. Д. 1046. Л. 1-17.
54. Веревкин М.И. Жизнь покойного Михайла Васильевича Ломоносова // М.В. Ломоносов в воспоминаниях и характеристиках современников. М.-Л.: Издат. Акад. наук СССР, 1962. С. 46-47.
55. Ненахов Ю.Ю. Войны и кампании Фридриха Великого. С. 142.
56. Меринг Ф. Военно-исторические экскурсии. С. 143.
57. Капшлер А. Казачество. История и легенды. Ростов-на-Дону: изд. ЮФУ, 2014. С. 44.
58. Березин Л.В. Хорватия, Славония и Далмация и Военная граница. Т.2. С. 326-327.
59. Березин Л.В. Хорватия, Славония и Далмация и Военная граница. Т.2. С. 329.
60. Фрейдзон В.И. История Хорватии. С. 66.
61. Фрейдзон В.И. История Хорватии. С. 76.
62. Фрейдзон В.И. История Хорватии. С. 76-77.
63. Шимов Я. Австро-Венгерская империя. С. 129-130.
64. Фрейдзон В.И. История Хорватии. С. 76-77.
65. Перетягтько А.Ю. Военная организация и военное управление Области Войска Донского во второй половине XIX в. Ростов-на-Дону, СКНЦ ВШ ЮФУ, 2014. С. 211-228.
66. Кирпиченок А. И. К выходу книги «Сербские поселения на Украине в середине XVIII в.» // Петербургская библиотечная школа. 2006. № 1-2. С. 114-115.
67. Меринг Ф. Внешняя и военная политика Фридриха II. С. 175.
68. Березин Л.В. Хорватия, Славония и Далмация и Военная граница. Т.2. С. 332-333.
69. Шимов Я. Австро-Венгерская империя. С. 168-169.
70. Краснов Н.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского. СПб.: Тип. Департамента Генерального штаба, 1863. С. 59-60, 63.
71. Номикосов С. Статистическое описание Области Войска Донского. Новочеркасск: Войсковая типография, 1884. С. 32.
72. Перетягтько А.Ю. Военная организация и военное управление Области Войска Донского во второй половине XIX в. С. 211-228.
73. Горбунова Н.В. Донское казачество как институт самоорганизации: некоторые исторические реалии // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. 2011. №6. С. 55-60.
74. Сень Д.В. Османская империя и Крымское ханство во второй половине XVII – начале XVIII в.: управление пограничными процессами и характер взаимоотношений // Границы и пограничье в южнороссийской истории: Материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 26–27 сентября 2014 г.). Ростов-на-Дону, 2014. С. 517.
75. Фрейдзон В.И. История Хорватии. С. 65.
76. Сень Д.В. Османская империя и Крымское ханство во второй половине XVII – начале XVIII в.: управление пограничными процессами и характер взаимоотношений. С. 517.
77. Березин Л.В. Хорватия, Славония и Далмация и Военная граница. Т.2. С. 328.
78. Краснов Н.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского. С. 59.
79. Краснов Н.И. Военное обозрение Земли Донского Войска. С. X.
80. Фрейдзон В.И. История Хорватии. С. 76.
81. Фрейдзон В.И. История Хорватии.
82. Романов М.Ю. Стрельцы московские. С. 191-193.
83. Архенгольц И.В. История Семилетней войны. С. 82.
84. Краснов Н.И. Военное обозрение Земли Донского Войска. С. XIII.
85. Энциклопедия военных и морских наук. Т. IV. СПб.: тип. В. Безобразова, 1888. С. 380.
86. Керсновский А.А. История русской армии. С. 45.
87. Ненахов Ю.Ю. Войны и кампании Фридриха Великого. С. 206.
88. Керсновский А.А. История русской армии. С. 45.
89. Березин Л.В. Хорватия, Славония и Далмация и Военная граница. Т.2. С. 329.
90. Керсновский А.А. История русской армии. С. 60.
91. Керсновский А.А. История русской армии. С. 61.

92. Кирпиченко А. И. К выходу книги «Сербские поселения на Украине в середине XVIII в.». С. 115.
93. Кирпиченко А. И. К выходу книги «Сербские поселения на Украине в середине XVIII в.». С. 118.
94. Бажова А. П. Русско-югославянские отношения во второй половине XVIII века. М.: Наука, 1982. С. 238.
95. Кирпиченко А. И. К выходу книги «Сербские поселения на Украине в середине XVIII в.». С. 118.
96. Кирпиченко А. И. К выходу книги «Сербские поселения на Украине в середине XVIII в.». С. 119.
97. Керсновский А.А. История русской армии. С. 100.
98. Ненахов Ю.Ю. Войны и кампании Фридриха Великого. С. 276.
99. Mahan J.A. Maria Theresa of Austria. New York: Thomas Y. Crowell Pub., 1932. P. 117.
100. Asprey R.B., Frederick the Great: The Magnificent Enigma. New York: Ticknor & Fields, 1986. P. 290.
101. Кони Ф. Фридрих Великий. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. С. 131.
102. Ненахов Ю.Ю. Войны и кампании Фридриха Великого. С. 263.
103. Энгельс Ф. Кавалерия. С. 115-116.
104. Ненахов Ю.Ю. Войны и кампании Фридриха Великого. С. 162.
105. Ненахов Ю.Ю. Войны и кампании Фридриха Великого. С. 183.
106. Краснов Н.И. Военное обозрение Земли Донского Войска. С. XII.
107. Ненахов Ю.Ю. Войны и кампании Фридриха Великого. С. 189-191.
108. Архенгольц И.В. История Семилетней войны. С. 80.
109. Керсновский А.А. История русской армии. С. 92.
110. Ненахов Ю.Ю. Войны и кампании Фридриха Великого. С. 192-193.
111. Керсновский А.А. История русской армии. С. 84.
112. Энгельс Ф. Кавалерия. С. 117.
113. Архенгольц И.В. История Семилетней войны. С. 212.
114. Ненахов Ю.Ю. Войны и кампании Фридриха Великого. С. 191-193.
115. Военный энциклопедический лексикон, издаваемый обществом военных и литераторов и посвященный Его Императорскому Высочеству Наследнику Цесаревичу и Великому Князю Александру Николаевичу. Ч. 6. СПб.: типография Императорской Академии Наук, 1843. С. 160.
116. Краснов Н.И. Военное обозрение Земли Донского Войска. С. XII.
117. Энгельс Ф. Кавалерия. С. 130.
118. Энгельс Ф. Кавалерия. С. 117.
119. Керсновский А.А. История русской армии. С. 100.
120. Краснов Н.И. Военное обозрение Земли Донского Войска. С. XII.
121. Номикосов С. Статистическое описание Области Войска Донского. С. 134.
122. Меринг Ф. Военно-исторические экскурсии. С. 134.
123. Ненахов Ю.Ю. Войны и кампании Фридриха Великого. С. 702.
124. Меринг Ф. Внешняя и военная политика Фридриха II. С. 174.
125. Меринг Ф. Военно-исторические экскурсии. С. 134.
126. Асфандияров А. З. Кантонное управление в Башкирии (1798—1865). Уфа: Китап, 2005. С. 19, 243.
127. Шимов Я. Австро-Венгерская империя. С. 140.
128. Березин, Л.В. Хорватия, Славония и Далмация и Военная граница. Т.2. С. 330.
129. Фрейдзон В.И. История Хорватии. С. 76.
130. Березин, Л.В. Хорватия, Славония и Далмация и Военная граница. Т.2. С. 334.
131. Фрейдзон В.И. История Хорватии. С. 76-77.
132. Фрейдзон В.И. История Хорватии. С. 78.
133. Каппелер А. Казачество. История и легенды. С. 29-30.
134. Ненахов Ю.Ю. Войны и кампании Фридриха Великого. С. 208.
135. Архенгольц И.В. История Семилетней войны. С. 276.
136. Львов С. Армейские уланы России в 1812 г. М.: Восточный горизонт, 2002. С. 5.
137. Львов С. Армейские уланы России в 1812 г. С. 5-6.

138. Львов С. Армейские уланы России в 1812 г. С. 6-7.
 139. Шимов Я. Австро-Венгерская империя. С. 146.
 140. Vuksic V., Grbasic Z.. Cavalry. The History Of A Fighting Elite. С. 162.
 141. Кирпиченко А. И. К выходу книги «Сербские поселения на Украине в середине XVIII в.». С. 114-115.
 142. Кирпиченко А. И. К выходу книги «Сербские поселения на Украине в середине XVIII в.». С. 119.
 143. Керсновский А.А. История русской армии. С. 100.
 144. Керсновский А.А. История русской армии.
 145. Краснов Н.И. Военное обозрение Земли Донского Войска. С. X.
 146. Краснов Н.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского. С. 58-59.
 147. Краснов Н.И. Военное обозрение Земли Донского Войска. С. XII.

References:

1. Peretyatko A.Y. «European Cossacks» in XVI–XVII Centuries: the Phenomenon of Irregularity from the Adriatic Sea to the Urals // Voennyi Sbornik, 2015, Vol.(8), Is. 2. P. 104-118.
2. Krasnov N.I. Voennoe obozrenie Zemli Donskogo Voiska. SPb.: Voennaya tipografiya, 1870. S. X.
3. Arkhengol'ts I.V. Istoriya Semiletnei voiny. M.: AST, 2001. S. 82.
4. Peretyatko A.Y. «European Cossacks» in XVI–XVII Centuries: the Phenomenon of Irregularity from the Adriatic Sea to the Urals. P. 104-118.
5. Mering F. Voенно-istoricheskie ekskursii // Mering F. Istoriya voyn i voennogo iskusstva. SPb.: Poligon, 2000. S. 127-129.
6. Romanov M.Yu. Strel'tsy moskovskie. M.:Gos. publ. ist. biblioteka Rossii, 2004. S. 56.
7. Romanov M.Yu. Strel'tsy moskovskie. S. 55-56.
8. Nenakhov Yu.Yu. Voiny i kampanii Fridrikha Velikogo. Minsk: Kharvest, 2002. S. 124.
9. Romanov M.Yu. Strel'tsy moskovskie. S. 56.
10. Nenakhov Yu.Yu. Voiny i kampanii Fridrikha Velikogo. S. 120.
11. Nenakhov Yu.Yu. Voiny i kampanii Fridrikha Velikogo. S. 55.
12. Nenakhov Yu.Yu. Voiny i kampanii Fridrikha Velikogo. S. 119.
13. Mering F. Ot Til'zita do Taurogena // Mering F. Istoriya voyn i voennogo iskusstva. S. 307.
14. Nenakhov Yu.Yu. Voiny i kampanii Fridrikha Velikogo. S. 86.
15. Mering F. Voенно-istoricheskie ekskursii. S. 136-138.
16. Mering F. Voенно-istoricheskie ekskursii. S. 132.
17. Kersnovskii A.A. Istoriya russkoi armii. Smolensk: Rusich, 2004. S. 95.
18. Freidzon V.I. Istoriya Khorvatii. SPb.: Aleteiya, 2001. S. 76.
19. Berezin, L.V. Khorvatiya, Slavoniya i Dalmatsiya i Voennaya granitsa. T.2. SPb.: Tip. i khromolit. A. Transhelya, 1879. S. 349.
20. Freidzon V.I. Istoriya Khorvatii. S. 78.
21. Kersnovskii A.A. Istoriya russkoi armii. S. 259-264.
22. Kersnovskii A.A. Istoriya russkoi armii.
23. Mering F. Voенно-istoricheskie ekskursii. S. 127-129.
24. Mering F. Voенно-istoricheskie ekskursii. S. 101-102.
25. Mering F. Voенно-istoricheskie ekskursii. S. 129.
26. Vuksic V., Grbasic Z.. Cavalry. The History Of A Fighting Elite. Hong Kong: Arms & Armour, 1993. С. 162.
27. Shimov Ya. Avstro-Vengerskaya imperiya. M.: Eksmo, 2003. S. 129-130.
28. Shimov Ya. Avstro-Vengerskaya imperiya.
29. Pronshtein A.P, Mininkov N.A. Kondratii Afanasievich Bulavin. M.: Prosveshchenie, 1988. S. 88-89.
30. Freidzon V.I. Istoriya Khorvatii. S. 77-78.
31. Mering F. Vneshnyaya i voennaya politika Fridrikha II // Mering F. Istoriya voyn i voennogo iskusstva. S. 196.
32. Mering F. Vneshnyaya i voennaya politika Fridrikha II. S. 129.

33. Engel's F. Kavaleriya // Engel's F. O voennom iskusstve. O teorii nasiliya. M., SPb.: Eksmo, Terra Fantastica, 2003. S. 114-115.
34. Engel's F. Kavaleriya. S. 115.
35. Kersnovskii A.A. Istoriya russkoi armii. S. 52.
36. Nenakhov Yu.Yu. Voiny i kampanii Fridrikha Velikogo. S. 170-171.
37. Nenakhov Yu.Yu. Voiny i kampanii Fridrikha Velikogo. S. 192.
38. Kersnovskii A.A. Istoriya russkoi armii. S. 89.
39. Nenakhov Yu.Yu. Voiny i kampanii Fridrikha Velikogo. S. 452.
40. Arkhengol'ts I.V. Istoriya Semiletnei voiny. S. 80.
41. Freidzon V.I. Istoriya Khorvatii. S. 76-77.
42. Kersnovskii A.A. Istoriya russkoi armii. S. 258.
43. Berezin, L.V. Khorvatiya, Slavoniya i Dalmatsiya i Voennaya granitsa. T.2. S. 349.
44. Kharuzin M.N. Svedeniya o kazatskikh obshchinakh na Donu: materialy dlya obychnogo prava: vyp. 1. M.: tip. M.P. Shchepkina, 1885. S. XXXVIII.
45. Kersnovskii A.A. Istoriya russkoi armii. S. 61.
46. Mering F. Voенно-istoricheskie ekskursii. S. 142.
47. Mering F. Voенно-istoricheskie ekskursii. S. 143.
48. Nenakhov Yu.Yu. Voiny i kampanii Fridrikha Velikogo. S. 378-379.
49. Mering F. Vneshnyaya i voennaya politika Fridrikha II. S. 191.
50. Nenakhov Yu.Yu. Voiny i kampanii Fridrikha Velikogo. S. 276.
51. Freidzon V.I. Istoriya Khorvatii. S. 76.
52. Engel's F. Armii Evropy // Engel's F. O voennom iskusstve. O teorii nasiliya. S. 233.
53. Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoi Oblasti. F. 344. Op. 1. D. 1046. L. 1-17.
54. Verevkin M.I. Zhizn' pokoinogo Mikhaila Vasil'evicha Lomonosova // M.V. Lomonosov v vospominaniyakh i kharakteristikakh sovremennikov. M.-L.: Izdat. Akad. nauk SSSR, 1962. S. 46-47.
55. Nenakhov Yu.Yu. Voiny i kampanii Fridrikha Velikogo. S. 142.
56. Mering F. Voенно-istoricheskie ekskursii. S. 143.
57. Kappeler A. Kazachestvo. Istoriya i legendy. Rostov-na-Donu: izd. YuFU, 2014. S. 44.
58. Berezin L.V. Khorvatiya, Slavoniya i Dalmatsiya i Voennaya granitsa. T.2. S. 326-327.
59. Berezin L.V. Khorvatiya, Slavoniya i Dalmatsiya i Voennaya granitsa. T.2. S. 329.
60. Freidzon V.I. Istoriya Khorvatii. S. 66.
61. Freidzon V.I. Istoriya Khorvatii. S. 76.
62. Freidzon V.I. Istoriya Khorvatii. S. 76-77.
63. Shimov Ya. Avstro-Vengerskaya imperiya. S. 129-130.
64. Freidzon V.I. Istoriya Khorvatii. S. 76-77.
65. Peretyat'ko A.Yu. Voennaya organizatsiya i voенное upravlenie Oblasti Voiska Donskogo vo vtoroi polovine XIX v. Rostov-na-Donu, SKNTs VSh YuFU, 2014. S. 211-228.
66. Kirpichenok A. I. K vykhodu knigi «Serbskie poseleniya na Ukraine v seredine XVIII v.» // Peterburgskaya bibliotchnaya shkola. 2006. № 1-2. S. 114-115.
67. Mering F. Vneshnyaya i voennaya politika Fridrikha II. S. 175.
68. Berezin L.V. Khorvatiya, Slavoniya i Dalmatsiya i Voennaya granitsa. T.2. S. 332-333.
69. Shimov Ya. Avstro-Vengerskaya imperiya. S. 168-169.
70. Krasnov N.I. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami General'nogo shtaba. Zemlya voiska Donskogo. SPb.: Tip. Departamenta General'nogo shtaba, 1863. S. 59-60, 63.
71. Nomikosov S. Statisticheskoe opisanie Oblasti Voiska Donskogo. Novocherkassk: Voiskovaya tipografiya, 1884. S. 32.
72. Peretyat'ko A.Yu. Voennaya organizatsiya i voенное upravlenie Oblasti Voiska Donskogo vo vtoroi polovine XIX v. S. 211-228.
73. Gorbunova N.V. Donskoe kazachestvo kak institut samoorganizatsii: nekotorye istoricheskie realii // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. 2011. №6. S. 55-60.
74. Sen' D.V. Osmanskaya imperiya i Krymskoe khanstvo vo vtoroi polovine XVII – nachale XVIII v.: upravlenie pogranichnymi protsessami i kharakter vzaimootnoshenii // Granitsy i pogranich'e v yuzhnorossiiskoi istorii: Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (g. Rostov-na-Donu, 26–27 sentyabrya 2014 g.). Rostov-na-Donu, 2014. S. 517.

75. Freidzon V.I. Istoriya Khorvatii. S. 65.
76. Sen' D.V. Osmanskaya imperiya i Krymskoe khanstvo vo vtoroi polovine XVII – nachale XVIII v.: upravlenie pogranichnymi protsessami i kharakter vzaimootnoshenii. S. 517.
77. Berezin L.V. Khorvatiya, Slavoniya i Dalmatsiya i Voennaya granitsa. T.2. S. 328.
78. Krasnov N.I. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami General'nogo shtaba. Zemlya voiska Donskogo. S. 59.
79. Krasnov N.I. Voennoe obozrenie Zemli Donskogo Voiska. S. X.
80. Freidzon V.I. Istoriya Khorvatii. S. 76.
81. Freidzon V.I. Istoriya Khorvatii.
82. Romanov M.Yu. Strel'tsy moskovskie. S. 191-193.
83. Arkhengol'ts I.V. Istoriya Semiletnei voiny. S. 82.
84. Krasnov N.I. Voennoe obozrenie Zemli Donskogo Voiska. S. XIII.
85. Entsiklopediya voennykh i morskikh nauk. T. IV. SPb.: tip. V. Bezobrazova, 1888. S. 380.
86. Kersnovskii A.A. Istoriya russkoi armii. S. 45.
87. Nenakhov Yu.Yu. Voiny i kampanii Fridrikha Velikogo. S. 206.
88. Kersnovskii A.A. Istoriya russkoi armii. S. 45.
89. Berezin L.V. Khorvatiya, Slavoniya i Dalmatsiya i Voennaya granitsa. T.2. S. 329.
90. Kersnovskii A.A. Istoriya russkoi armii. S. 60.
91. Kersnovskii A.A. Istoriya russkoi armii. S. 61.
92. Kirpichenok A. I. K vykhodu knigi «Serbskie poseleniya na Ukraine v seredine XVIII v.». S. 115.
93. Kirpichenok A. I. K vykhodu knigi «Serbskie poseleniya na Ukraine v seredine XVIII v.». S. 118.
94. Bazhova A. P. Russko-yugoslavyanskije otnosheniya vo vtoroi polovine XVIII veka. M.: Nauka, 1982. S. 238.
95. Kirpichenok A. I. K vykhodu knigi «Serbskie poseleniya na Ukraine v seredine XVIII v.». S. 118.
96. Kirpichenok A. I. K vykhodu knigi «Serbskie poseleniya na Ukraine v seredine XVIII v.». S. 119.
97. Kersnovskii A.A. Istoriya russkoi armii. S. 100.
98. Nenakhov Yu.Yu. Voiny i kampanii Fridrikha Velikogo. S. 276.
99. Mahan J.A. Maria Theresa of Austria. New York: Thomas Y. Crowell Pub., 1932. P. 117.
100. Asprey R.B., Frederick the Great: The Magnificent Enigma. New York: Ticknor & Fields, 1986. P. 290.
101. Koni F. Fridrikh Velikii. Rostov-na-Donu: Feniks, 1997. S. 131.
102. Nenakhov Yu.Yu. Voiny i kampanii Fridrikha Velikogo. S. 263.
103. Engel's F. Kavaleriya. S. 115-116.
104. Nenakhov Yu.Yu. Voiny i kampanii Fridrikha Velikogo. S. 162.
105. Nenakhov Yu.Yu. Voiny i kampanii Fridrikha Velikogo. S. 183.
106. Krasnov N.I. Voennoe obozrenie Zemli Donskogo Voiska. S. XII.
107. Nenakhov Yu.Yu. Voiny i kampanii Fridrikha Velikogo. S. 189-191.
108. Arkhengol'ts I.V. Istoriya Semiletnei voiny. S. 80.
109. Kersnovskii A.A. Istoriya russkoi armii. S. 92.
110. Nenakhov Yu.Yu. Voiny i kampanii Fridrikha Velikogo. S. 192-193.
111. Kersnovskii A.A. Istoriya russkoi armii. S. 84.
112. Engel's F. Kavaleriya. S. 117.
113. Arkhengol'ts I.V. Istoriya Semiletnei voiny. S. 212.
114. Nenakhov Yu.Yu. Voiny i kampanii Fridrikha Velikogo. S. 191-193.
115. Voennyi entsiklopedicheskii leksikon, izdavaemyi obshchestvom voennykh i literatorov i posvyashchennyi Ego Imperatorskomu Vysochestvu Nasledniku Tsesarevichu i Velikomu Knyazyu Aleksandru Nikolaevichu. Ch. 6. SPb.: tipografiya Imperatorskoi Akademii Nauk, 1843. S. 160.
116. Krasnov N.I. Voennoe obozrenie Zemli Donskogo Voiska. S. XII.
117. Engel's F. Kavaleriya. S. 130.
118. Engel's F. Kavaleriya. S. 117.
119. Kersnovskii A.A. Istoriya russkoi armii. S. 100.
120. Krasnov N.I. Voennoe obozrenie Zemli Donskogo Voiska. S. XII.

121. Nomikosov S. Statisticheskoe opisaniye Oblasti Voiska Donskogo. S. 134.
 122. Mering F. Voенно-istoricheskie ekskursii. S. 134.
 123. Nenakhov Yu.Yu. Voiny i kampanii Fridrikha Velikogo. S. 702.
 124. Mering F. Vneshnyaya i voennaya politika Fridrikha II. S. 174.
 125. Mering F. Voенно-istoricheskie ekskursii. S. 134.
 126. Asfandiyarov A. 3. Kantonnoye upravleniye v Bashkirii (1798—1865). Ufa, 2005. S. 19, 243.
 127. Shimov Ya. Avstro-Vengerskaya imperiya. S. 140.
 128. Berezin, L.V. Khorvatiya, Slavoniya i Dalmatsiya i Voennaya granitsa. T.2. S. 330.
 129. Freidzon V.I. Istoriya Khorvatii. S. 76.
 130. Berezin, L.V. Khorvatiya, Slavoniya i Dalmatsiya i Voennaya granitsa. T.2. S. 334.
 131. Freidzon V.I. Istoriya Khorvatii. S. 76-77.
 132. Freidzon V.I. Istoriya Khorvatii. S. 78.
 133. Kappeler A. Kazachestvo. Istoriya i legendy. S. 29-30.
 134. Nenakhov Yu.Yu. Voiny i kampanii Fridrikha Velikogo. S. 208.
 135. Arkhengol'ts I.V. Istoriya Semiletnei voiny. S. 276.
 136. L'vov S. Armeiskie ulany Rossii v 1812 g. M.: Vostochnyi gorizont, 2002. S. 5.
 137. L'vov S. Armeiskie ulany Rossii v 1812 g. S. 5-6.
 138. L'vov S. Armeiskie ulany Rossii v 1812 g. S. 6-7.
 139. Shimov Ya. Avstro-Vengerskaya imperiya. S. 146.
 140. Vuksic V., Grbasic Z.. Cavalry. The History Of A Fighting Elite. C. 162.
 141. Kirpichenok A. I. K vykhodu knigi «Serbskie poseleniya na Ukraine v seredine XVIII v.». S. 114-115.
 142. Kirpichenok A. I. K vykhodu knigi «Serbskie poseleniya na Ukraine v seredine XVIII v.». S. 119.
 143. Kersnovskii A.A. Istoriya russkoi armii. S. 100.
 144. Kersnovskii A.A. Istoriya russkoi armii.
 145. Krasnov N.I. Voенное obozreniye Zemli Donskogo Voiska. S. X.
 146. Krasnov N.I. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannyye ofitserami General'nogo shtaba. Zemlya voiska Donskogo. S. 58-59.
 147. Krasnov N.I. Voенное obozreniye Zemli Donskogo Voiska. S. XII.

УДК 93/94

Восточноевропейские иррегулярные войска в XVIII в.: кризис и эволюция

Артем Юрьевич Перетяцько

Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация
 Лаборатория военных исследований
 Кандидат исторических наук
 E-mail: ArtPeretatko@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена эволюции восточноевропейских иррегулярных войск в XVIII в., когда они оказались вынуждены конкурировать с постоянными армиями западноевропейского образца. В ней подробно проанализированы как недостатки, так и достоинства иррегулярной системы организации, ставшие актуальными в данном столетии. Автор приходит к выводу, что ликвидация большей части восточноевропейских иррегулярных подразделений стала возможна только тогда, когда в постоянных армиях появились части, использующие их тактику и вооружение. Однако подобное влияние было взаимным, и сохранившиеся иррегулярные войска перенимали все больше элементов организации постоянной армии.

Ключевые слова: иррегулярные войска, казаки, граничары, Россия, Речь Посполитая, Габсбургские владения, Ф. Меринг.

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Voennyi Sbornik

Has been issued since 1858.

ISSN: 2309-6322

E-ISSN: 2409-1707

Vol. 10, Is. 4, pp. 202-213, 2015

DOI: 10.13187/vs.2015.10.202

www.ejournal6.com

UDC 656.612.1

Some Aspects of Argentinien-Brasilianer Opposition

Yuri F. Katorin

State university of the sea and river fleet of the name of the Admiral S.O. Makarov, Russian Federation

198035, Saint Petersburg, Dvinskaya street, 5/7

Dr. (Military), Professor

E-mail: katorin@mail.ru

Abstract

This article is dedicated to the South American arms race and will analyze one of its directions – building at the beginning XX of the century of the river armored ships, that were appeared because of the rivalry of Argentina and Brazil in the pond of La-Plata. There are given their technical characteristics, designation, design feature and armament, are described building ships and basic stages of service in the composition Navy of these countries. It is told about the value, which these ships for the fleets of their countries had.

Keywords: The Navy of Argentina and Brazil, the South American arms race, gunboats «Rosario» and «Paraná», the monitors «Pernambuco», «Paraguassu», «Parnaíba» and the type «Javary».

Введение

Многие страны Латинской Америки всегда были достойными морскими державами, обладавшими зачастую весьма адекватными военными кораблями. Причем, на самом латиноамериканском континенте практически не было построено ни одного крупного боевого корабля. «Поставщиками» военного флота для латиноамериканцев являлись сильнейшие морские державы Европы – Англия и Франция, а также США. Кроме того развития флота на южноамериканском континенте проходило со своими «местными» особенностями. Стоило одной из стран объявить о строительстве крупного корабля, как одновременно с этим и другие латиноамериканские страны начинали интенсивное строительство в целях установления паритета. [1]

Историография, посвященная южноамериканской гонке вооружений на море, относительно мала как по количеству книг, так и по раскрытию темы. Все вышесказанное справедливо и для англоязычной, и для русскоязычной историографии. Исторические труды по вооруженным силам Латинской Америки, редко затрагивают эту тему, а авторы «глобальных» книг по военно-морской истории начала XX века часто вовсе не упоминают этот вопрос, предпочитая писать об индустриально развитых странах, особенно — об англо-германском морском соперничестве. И уж совсем в стороне осталась гонка вооружений на

речном ТВД Латинской Америки. Данная статья посвящена речным броненосным кораблям, появившимся благодаря борьбе за гегемонию Аргентины и Бразилии в бассейне Ла-Платы.

Материалы и методы

Опираясь на широкий круг источников и используя подходы интеллектуальной истории, в настоящем исследовании предпринимается попытка выйти за рамки традиционного историографического обзора и показать особенности создания речных военных флотилий Аргентины и Бразилии с учетом конкретных политических и социокультурных реалий региона конца XIX – начала XX веков. Поскольку осветить все многообразие данного процесса в одной статье не представляется возможным, акцентируем внимание на конструктивных особенностях кораблей и истории их службы.

Обсуждение

С тех пор, как Бразилия и Аргентина получили независимость, между правительствами Буэнос-Айреса и Рио-де-Жанейро продолжалась борьба за гегемонию в бассейне Ла-Платы. Это соперничество в значительной мере определяло внешнюю и внутреннюю политику стран региона. В 1825—1828 году противоречия между Бразилией и Аргентиной привели к войне; ее результатом стала независимость Уругвая (окончательно признана Бразилией в 1828 году). После этого еще дважды правительства Рио-де-Жанейро и Буэнос-Айреса чуть было не начали военные действия друг против друга. Понятно, что в этом речном районе, был нужен флот, которого у Аргентины не было. Именно для ликвидации этого «пробела» и были построены аргентинские канонерские лодки «Росарио» (ARA «Rosario») и «Парана» (ARA «Paraná»). Эти бронированные речные канонерки являлись своеобразным, притом весьма весомым, «аргументом» Аргентины в споре о внутренних водных границах с Уругваем и Бразилией. [2]

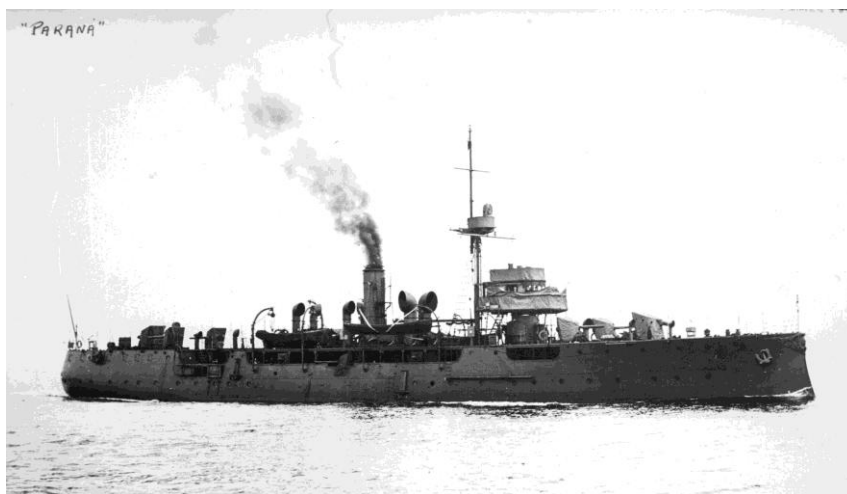

Рис. 1. Канонерская лодка «Парана»

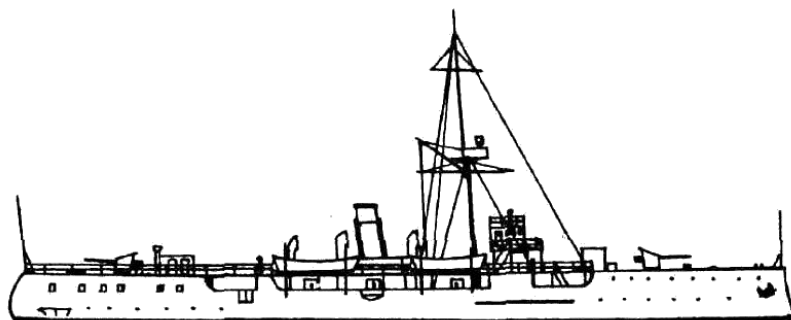

Рис. 2. Вид сбоку канонерки типа «Парана»

Корабли построены в Англии фирмой «Армстронг» («Armstrong Whitworth & Co Ltd»). Предназначались для патрулирования пограничных рек и поддержки действий войск на их берегах в случае конфликта. Водоизмещение 700/1050 т, основные размерения 76,4 x 9,8 x 4,3 м, 2 паровые машины тройного расширения, 2 котла «Yarrow», мощность 1300 л.с., скорость 15 узлов (максимальная), запас угля 120 т, дальность плавания 1600 км, экипаж 145 человек. Вооружение: две 152-мм гаубицы (12 калибров), шесть 76-мм (50 калибров) пушек, четыре десантные 75-мм пушки на колесных лафетах, восемь 7,65-мм пулеметов. Броня (цементированная сталь «Кирр»): пояс 102 мм, боевая рубка 76 мм, палуба до 37 мм. [3]

«**Paraná**», построен на верфях компании «Армстронг» город Elswick, Англия. Спущен на воду 28 апреля 1908 года, закончен постройкой 27.7.08, введен в строй 8 августа этого же года. Дата, когда аргентинский экипаж был провезен в Англию на транспорте «Чако» («Chako»). Его первый командир был капитан 2 ранга D. Guillermo Mulvanу, который был назначен на эту должность 30 апреля 1908 года. 25 августа 1908 года корабль отбыл из Ньюкасла в Буэнос-Айрес, куда он прибыл 8 декабря того же года. 26 декабря на корабле принимали мисс María Mihura, президента Ассоциации «Pro Patria». С января по июнь 1909 года участвует в маневрах флота. Служба корабля проходила на редкость монотонно и спокойно, и главными событиями были довольно частые смены командиров. В июле 1935 года вместе с президентской яхтой «Голондрина» (ARA «Golondrina») совершил плавание в Асунсьон. Во время Второй мировой войны входил в состав эскадры, обеспечивавшей нейтралитет Аргентины, базируясь на Буэнос-Айрес и Рио-Сантьяго. В мае 1949 года назначен его очередной командир капитан 2 ранга D. José Cabello, а в декабре судно, прикомандировывают к военно-морской школе для практической подготовки курсантов. В июле 1951 года корабль полностью разоружен на военно-морской базе в Río Santiago, а в 1952–1955 годах там же поставлен в отстой, без экипажа. Три года ВМФ, изучал возможности его использования как понтон или стационар для практических занятий курсантов. В 1956 году произошел пожара на борту, который снял все вопросы. Декрет № 10.735 от 14 сентября 1956 года разрешает продажу корпуса на слом. Два года корабль остается в ожидании продажи. Наконец в 1958 году он был продан с публичных торгов фирме «Botto y Cochello» за 853000 песо. [2]

«**Rosario**», построен на верфях компании «Армстронг», город Elswick, Англия. Спущен на воду 27 июля 1908 года, введен в строй 7 августа 1909 года. Его первым командиром был капитан-лейтенант де Navío D. Powhatan Page, который был назначен на эту должность 30 апреля 1908 года. Отплыл из Англии 8 августа 1909 года. Прибыл в Буэнос-Айресе в октябре 1909 года, а 19 декабря в городе Росарио при большом скоплении народа ему торжественно вручают боевой флаг. В конце декабря окончательно принят в состав аргентинских ВМС. В 1910 году принимает участие в праздновании столетие событий 27 мая. В мае и декабре 1911 года вместе с систершипом «Paraná» побывал в столице Парагвая — городе Асунсьон. В июле «Росарио» посетил Монтевидео. В 1916 году совместно с другими кораблями ВМС участвует в торжествах по случаю 100-летия независимости Аргентины. В 1921 году переведен в учебную дивизию, оперировавшую на реках Ла-Плата, Парана и Уругвай. [3]

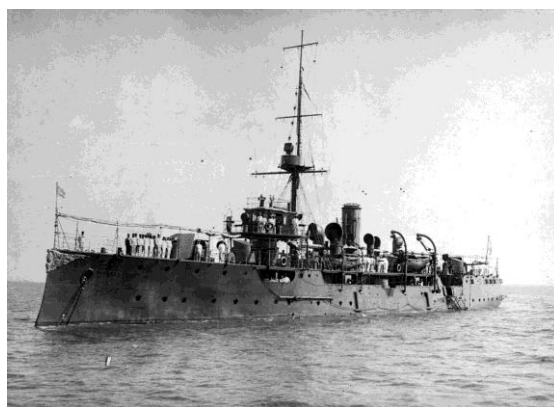

Рис. 3. Канонерская лодка «Розарио»

В 1922 году во время гражданской войны в Парагвае канонерка находилась в районе Асунсьона, на случай угрозы гражданам Аргентины находившимся в стране. В 1923 году под командованием капитана 2 ранга D. William Cerri (19 января) обеспечивает практику курсантам военно-морской школы. В апреле совершил поход под флагом военного министра по маршруту Буэнос-Айрес – Бельграно – Пуэрто – Буэнос-Айрес. В августе он посещает Росарио для показа флага с курсантами на борту. В 1927 году классифицируется как сторожевой корабль. В 1928 году его командиром стал капитан 2 ранга D. Arthur Zimmennann, в начале марта 1929 года, передается военно-морской школе для подготовки младшего персонала. Между 4 и 18 мая участвует в Асунсьоне (Парагвай) в акте передачи президентского контроля. 1 сентября участвует в открытие памятника в провинции General Alvear. В 1931 году посетил Ушуйю, в том же году он совершал поход по нескольким внутренним рекам для поддержки подразделений полковника Помара, которые срочно формируют для подавления восстания. В апреле 1940 года передается в распоряжение научной группы из национального университета Буэнос-Айреса, вместе с «Paraná», для медицинских исследований. На 25 мая он вновь посещает Росарио. В 1949 году окончательно передается для практической подготовки курсантов, и в течение нескольких лет проводит регулярные плавания по Рио де Ла-Плата, выполняя эту задачу. В 1952 году полностью разоружен. 1953–1959 года остается в состоянии полного разоружения, без экипажа в отстой. Декрет № 7903 от 23 июня 1959 года разрешает его продажу на слом, которая проходит путем публичных торгов, выигранных фирмой «Nicolás Idoeta». [2]

Результаты

Слухи о скором появлении столь мощных речных кораблей заставили Бразилию «сделать ответный ход», – возобновить строительство одного из двух безнадежно застрявших на стапеле речных мониторов, «Пернамбуко» («Pernambuco») и «Мараньяо» («Maranhao»). Это были одни из первых полностью железных кораблей, заложенных в Бразилии, но из-за отсутствия у корабелов опыта работы с железом их строительство сильно затянулось.

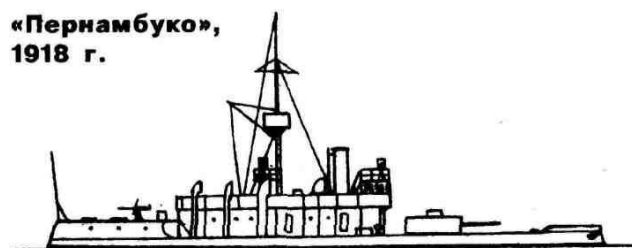
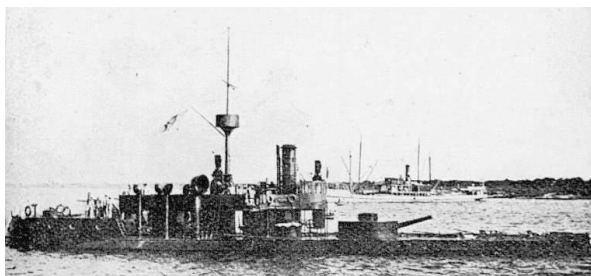

Рис. 4. Речной монитор «Пернамбуко» Рис. 4-1 Боковая проекция монитора «Пернамбуко»

«**Pernambuco**», бразильский речной монитор, заложен на верфи «Arsenal de Marinha da Côte» в июне 1890 года, спущен на воду в 1909 году, введен в строй в 1910 году. Водоизмещение 470 т, основные размерения 44,5 x 7,4 x 1,6 м, паровая машина тройного расширения, 2 котла, 2 винта, мощность 800 л.с., скорость 11 узлов по спокойной воде. Вооружение: две 120-мм/45 ЕОС пушки в башне, два 57-мм/43 орудия «Nordenfelt» в палубных установках, два 37-мм/27 пулемета «Maxim», экипаж 60 человек. Бронирование: пояс – 168–102 мм, башня – 152 мм, палуба – 102 мм, рубка – 89 мм. Строился в Рио-де-Жанейро по проекту, разработанному совместно с английскими специалистами. В отличие от аргентинского «Rosario» имел широкий низкобортный корпус и гораздо более надежную защиту. [3]

Тип сильного и прекрасно защищенного артиллерийского речного корабля; введен в строй одновременно с аргентинскими канонерками типа «Rosario» и предназначен для той же цели. Хотя окончательная достройка заняла почти 20 лет, но спокойная без эксцессов и происшествий служба во флотилии Мату-Гроссу, со штаб-квартирой в Ладариу, в течение

которой он ни разу не модернизировался, была для речного корабля относительно недолгой – исключен в 1948 году. [4]

Второй монитор того же типа, «Maranhao», по первоначальному проекту достроен не был, зато установил мировой рекорд «долгостроя»: строительство этого корабля продолжалось 50 лет!

Рис. 5. Монитор «Парагуассу»

«**Paraguassu**», заложен в 1890 году под именем «Maranhao» как, второй монитор класса «Pernambuco». В 1900-х строительство было приостановлено и вновь началось только в конце двадцатых годов. 11.6.1931 года корабль был перезаложен под именем «Витория» («Vitoria»), но строительство опять встало, а потом решено было завершить его по полностью измененному проекту. Корпус был разрезан вдоль осевой линии, и его ширину увеличили на 3,3 м; кардинально изменили защиту и вооружение. От башни было решено отказаться, толстый броневой пояс сняли, полностью изменили и состав артиллерии, только машины остались прежними. Монитор снова был перезаложен 28.12.1938 уже под новым названием «Парагуассу» («Paraguassu»). Закончен строительством в мае 1940 года. Корабль по степени бронирования, по большому счету, уже нельзя было считать монитором, ибо его корпус имел только противопопульную защиту: пояс – 19 мм, палуба – 13 мм. Однако менять «классовую принадлежность» бразильцы не стали. Водоизмещение 430 т (стандартное), основные размерения 44,7 x 10,6 x 1,5 м, паровая машина, 2 котла, 2 винта, мощность 1100 л.с., скорость 13 узлов, запас топлива 40 т, дальность плавания 2000 миль (8 уз), вооружение одна 120-мм/50 ЕОС СС и две 47-мм/40 «Hotchkiss» пушки, экипаж 71 человек. [5, 6]

Модернизации касались только изменения состава его вооружения. Первая прошла в 1942–1945 годы: добавлены две 87-мм/13 гаубицы и четыре 20-мм/70 зенитных автомата «Oerlikon». Вторая модернизация, 1960 год: старая артиллерия ГК снята и заменена на одну 76-мм/50 Mk-22 пушку, две из четырех 20-мм/70 зениток «Oerlikon» заменены на два 40-мм/60 автомата «Бофорс». Списан в 1972 году. [6]

Три еще более мощных монитора были заказаны в Великобритании как «Жавари» («Javaгу»), «Солимоес» («Solimoes») и «Мадейра» («Madeira»). Водоизмещение 1520 т, длина 81,3 м, ширина 14,9 м, осадка 1,7 м, 2 паровых машины тройного расширения, мощность 1450 л.с. (1080 kW), скорость 12 узлов, запас хода 1650 миль (при 8 узлах), экипаж 140 человек. Вооружение два 152-мм орудия в башне, две 120-мм гаубицы, пять 47-мм пушек, шесть 7-мм пулеметов. Бронирование: пояс – 40–75 мм, траверзы – 40 мм, барбет – 90 мм, башня – 100 мм. Обе пушки ГК представляли собой две модификации британского 152-мм орудия Mk-XI. При этом у VL 6"/50 Mk-XIV затвор открывался вправо, а у VL 6"/50 Mk-XV затвор открывался влево, что было немаловажно в тесной для двух стволов башне. [5]

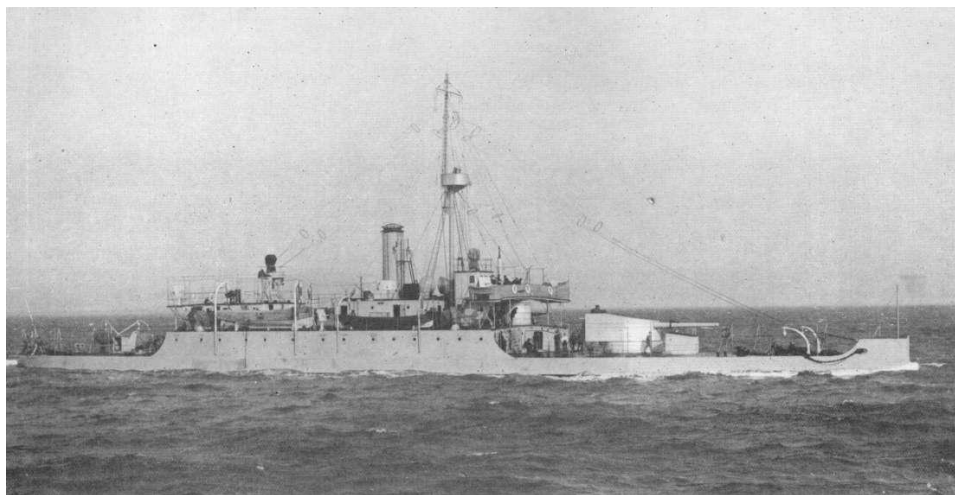

Рис. 6. Монитор «Жавари» после вступления в строй

Рис. 7. В башне монитора типа «Жавари»

Бразильцы планировали использовать мониторы на Амазонке и ее притоках. На верфях «Виккерс Лимитед» («Vickers Limited») в городе Ньюкасл все три корабля были 24.8.12 заложены, в июне – августе 1913 года спущены на воду, а к февралю 1914 года готовы к передаче заказчику. Однако бразильское правительство уже после спуска кораблей уведомило строителя о нехватке денежных средств для их покупки (£ 155000 за корабль). Компания попыталась найти покупателя «на стороне», но после начала Первой мировой войны в дело вмешалось правительство Великобритании: оно приобрело все три корабля за 155 тысяч фунтов стерлингов каждый. В Королевском флоте мониторы называли «Хамбер» («Number»), «Мерсей» («Mersey») и «Северн» («Severn»). [5]

Дело в том, что французский маршал Жоффр (Joseph Jacques Césaire Joffre; 1852—1931) попросил англичан оказать с моря поддержку бельгийским войскам, оборонявшимся на крайнем левом фланге Ипрского фронта союзников. И тут выяснилось, что в составе огромного Британского Королевского Флота нет кораблей, способных действовать возле бельгийского побережья, окаймленного мелями и песчаными банками. Единственное, что смогло сделать Адмиралтейство – конфисковать три речных монитора, построенных

фирмой «Виккерс» для Бразилии, но из-за несвоевременной оплаты задержавшихся в Англии вплоть до начала войны.

Они были переименованы и составили небольшую эскадру, которая прибыла 18 октября 1914 года к Фландрскому побережью, где своим огнем спасла Ньюпорт и шлюзы от захвата немцами. В ходе этих обстрелов стрельба была столь интенсивной, что стволы орудий пришли в негодность. В дальнейшем корабли приняли самое активное участие в Первой мировой войне: они воевали на разных театрах — у берегов Бельгии и Африки, в Средиземном, Белом и Черном морях, на Дунае. Конечно мониторы, предназначенные для действий на реках, обладали плохими мореходными качествами, что ограничивало их действия на море. Во время морских переходов их неоднократно приходилось вести на буксире. Однако на мелководье и реках благодаря малой осадке и мощному вооружению корабли действовали весьма успешно. [5]

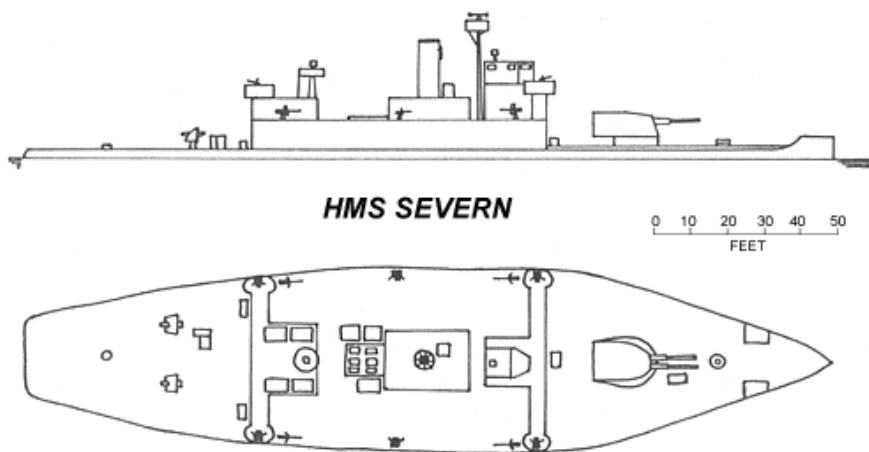

Рис. 8. Схема общего устройства монитора типа «Жевари»

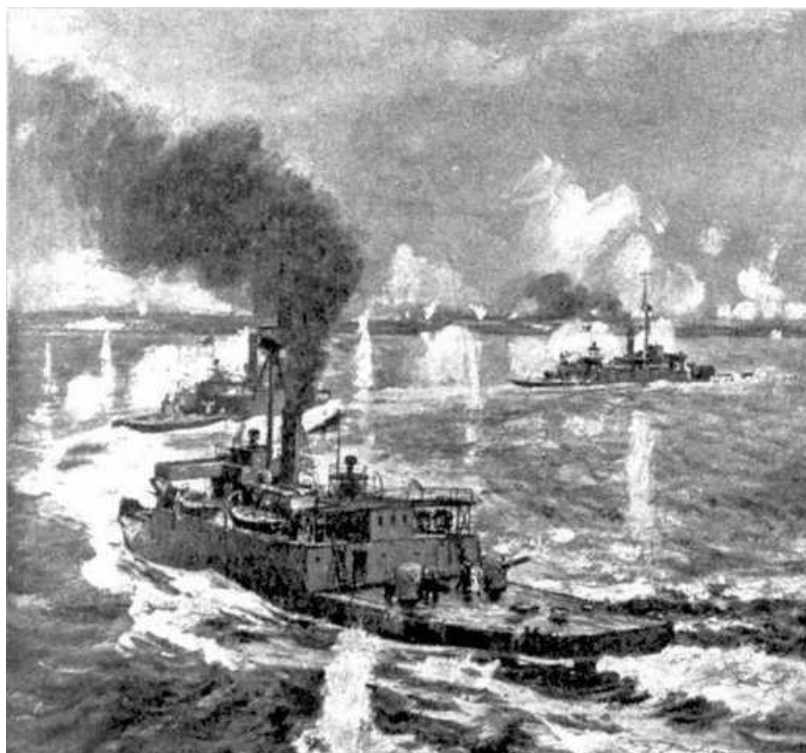

Рис. 9. Монитора типа «Жевари» ведут обстрел берега

В конце 1914 года башню на «Severn» и «Mersey» сняли и вместо нее установили в носу и корме два палубных 152-мм орудия за щитами, а гаубицы перенесли с четвердека на шлюпочную палубу. Монитор «Humber» башню сохранил, но в декабре 1914 года на шканцах установили третью «шестидюймовку» – Mk-VII, в 1915 году, несмотря на «расстрелянные» стволы ГК, участвовал в Дарданелльской операции, и только год спустя получил новые башенные орудия. Весной 1915 года «Mersey» и «Severn» совершили переход в Восточную Африку. 6 июля 1915 года оба монитора встретились близ побережья, а 11 июля появились в устье реки Руфиджи, где уже 9 месяцев укрывался заблокированный англичанами германский бронепалубный крейсер «Кёнигсберг»* («Konigsberg»). [7]

Рис. 10. Германский бронепалубный крейсер «Кёнигсберг» на реке Руфиджи

Пользуясь малой осадкой, мониторы вошли в реку и начали при поддержке самолетов-разведчиков на дальней дистанции (примерно 9100 м) артиллерийскую дуэль с крейсером. Она завершилась тем, что «Konigsberg» загорелся, в отделении боеприпасов сдетонировали две торпеды, и корабль затонул. Жертвами этого обстрела стали 33 немецких моряка, мониторы повреждений и потерь не имели, правда, немцы смогли сбить самолет-корректировщик, который рухнул в реку прямо вблизи крейсера. [7]

**«Кёнигсберг» (SMS «Königsberg») — бронепалубный крейсер одноименного типа, служивший в составе ВМС Германии. Заложен в начале 1905 года, спущен в декабре того же года, в состав ВМС введен в июне 1906 года. Водоизмещение 3390 т, основные размерения 114,8 x 13,2 x 5,2 м, экипаж – 322 человека. Был вооружен десятью орудиями калибра 105 мм и развивал скорость до 24 узлов. Вскоре после вступления в строй сопровождал в Великобританию императорскую яхту с кайзером на борту. В апреле 1914 года направлен в Германскую Восточную Африку, после начала Первой мировой войны остался там. Первое время действовал против британского и французского судоходства, однако за время рейдерства потопил единственное судно. Действия крейсера сковывала нехватка угля. 20 сентября 1914 года в гавани Занзибара метким огнем потопил британский крейсер «Пегасус» (1893 г, 2780 т, 20 уз, по восемь 102-мм и 47-мм пушек, экипаж 224 чел.). После боя «Кёнигсберг» зашел в дельту реки Руфиджи, поскольку паровым машинам крейсера требовался ремонт. Еще до завершения ремонта корабль был обнаружен британскими крейсерами. Британские корабли, осадка которых не позволяла им войти в дельту, блокировали «Кёнигсберг». В дальнейшем британцы предприняли несколько безуспешных атак на крейсер, пока, наконец, к дельте не прибыли два мелкосидящих монитора.*

До конца войны мониторы нести боевую службу: «Severn» остался в Восточной Африке и продолжал обстреливать немецкие позиции там до апреля 1918 года, а «Number» и «Mersey» участвовали в бомбардировке побережья Бельгии. В 1918—1919 годах «Number» и «Severn» обеспечивали британскую интервенцию на русском Севере (перед отправкой в Мурманск на корабли установили одно 76-мм зенитное орудие фирмы «Виккерс»), тогда как «Mersey» действовал на Черном море и Дунае, для надзора за придунайскими государствами и обеспечения «правильного раздела» австро-венгерской речной флотилии. После войны в 1920-м и 1921 годах «Mersey» и «Severn», соответственно, были пущены на слом, а «Number» продали голландской судоподъемной кампании, которая превратила его в понтон для плавучего крана. В этом качестве он служил до 1945 года, после чего пошел, наконец, на слом. [5]

В начале 1930-х годов Парагвай решил усилить свой флот весьма необычными бронированными речными канонерскими лодками, проект которых разработал талантливый парагвайский военно-морской инженер Боззано (José Alfredo Bozzano Baglietto; 1895–1969). Корабли сыграли ключевую роль как быстроходные вооруженные транспорты во время войны с Боливией (1932–1935). [6]

Рис. 11. Монитор «Паранаиба» в начале службы

Появление этих кораблей вызвало беспокойство у бразильцев. В 1938 году на государственной верфи в Рио-де-Жанейро спустили на воду монитор «Паранаиба» («Parnaíba»), построенный при технической поддержке британской фирмы «Торникрофт» («Thornycroft»), а также с использованием поставляемого из Англии материалов и оборудования. В целом получился очень удачный речной корабль, с сильным вооружением и хорошей защитой. Предназначен для действий на реках около границы с Боливией, и из-за незначительной осадки показал себя вполне пригодным для этой цели даже в их верховьях. [8]

«**Parnaíba**», бразильский монитор, построен на военно-морской верфи в Рио-де-Жанейро («Arsenal de Marinha da Ilha das Cobras»), был заложен 11 июня 1936 года, спущен на воду 6 ноября 1937 года и вошел в строй бразильского флота 4 марта 1938 года. На этот год он имел следующие ТТХ: водоизмещение 720 т, основные размеры 55 x 10,1 x 1,6 м, две паровые машины тройного расширения «Thornycroft», работающие на два гребных вала, два цилиндрических котла, мощность 1300 л.с., скорость 13 узлов, запас хода 1350 миль при 10 узлах, экипаж 90 человек. Вооружение: одно 152-мм/50 ЕОС DD орудие в палубной щитовой установке, две 47-мм/40 пушки «Hotchkiss». Бронирование: пояс – 76 мм, палуба – 38 мм, они образуют своеобразную цитадель в средней части корпуса в районе силовой установки и артиллерийских погребов. В 1942 году вооружение усилено двумя 87-мм/13 гаубицами и четырьмя 20-мм/70 Mk-4 зенитками. В 1943 году «Parnaíba» принял участие в сопровождении 6 конвоев, в том числе охранял американский линкор «Айова» (Бразилия –

единственная страна Южной Америки, реально принявшая участие в военных действиях Второй мировой войны, а не формально объявившая войну Германии). [4, 9]

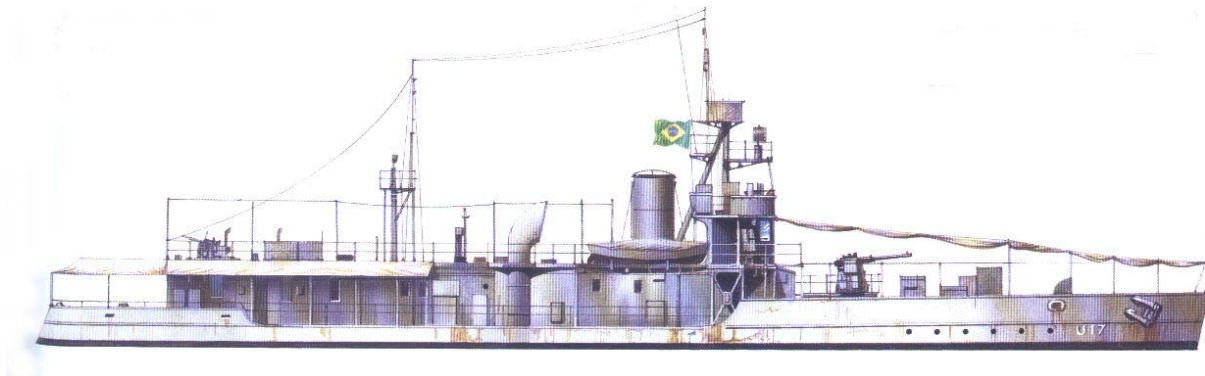

Рис. 12. Монитор «Паранаиба» после модернизации 1960 года

**Его оригинальная паровая машина была сдана в Мемориальный зал музея «Maximiano».*

В 1960 году корабль был существенно модернизирован, полностью изменено очертание надстроек и вооружение – одна 76-мм/50 Mk-22 пушка, по две 40-мм/60 Mk-1 и 20-мм/70 Mk-4 зенитки. В мае 1977 года принял участие в торжествах по случаю годовщины независимости Парагвая. При этом 19 мая, вместе с кораблями, пришвартованными в Асунсьон, участвовал в спасении экипажа потерпевшего крушение парохода «Chalana», затонувшего неподалеку. [9]

Монитор прошел кардинальную модернизацию в 1998–1999 годы. Получил новые системы управления огнем, новые типы орудий и вертолетную площадку. Постоянное базирование вертолета не предусмотрено. Проведена и замена его энергетической установки – паровая машина уступила место дизельному двигателю (2 дизеля 1300 л.с.), что повысило его дальность плавания и надежность*. При этом изменились и ТТХ: водоизмещение 620 т (стандартное), основные размерения 55 x 10,1 x 1,6 м, два дизеля, мощность 1300 л.с., скорость 13 узлов, запас хода 2000 миль при 10 узлах, экипаж 74 человека. Вооружение: одно орудие 76 мм, две артиллерийские установки «Bofors» L/70 40-мм/70, два 20-мм автомата «Oerlikon», два 81-мм миномета, вертолетная площадка. [8]

Претерпев ряд кардинальных модернизаций, «Paranaíba» и сейчас находится в строю, базируется на порт Ладариу на реке Парагвай, являясь флагманским кораблем флотилии Мату-Гроссу 6-го военно-морского округа Бразилии. Многие мировые СМИ отметили, что 6 ноября 2012 года исполнилось 75 лет с момента спуска на воду одного из старейших боевых кораблей мира специальной постройки, находящегося в боевом строю – бразильского речного монитора U-17 «Paranaíba». [8]

Рис. 13. Монитор U-17 «Паранаиба», современное состояние

Заключение

Американский историк Джонатан Грант (Jonathan A. Grant) изучил обстоятельства многих оружейных сделок, заключенных в XIX и начале XX века. Половина одной из глав его книги посвящена южноамериканской дредноутной гонке, другая половина — греко-оттоманской. По мнению автора, обе дредноутные гонки показали, что демократизация общества не обязательно ведет к мирному сосуществованию: южноамериканская гонка была развязана с подачи демократически выбранных органов власти. Последнее обстоятельство показало, что единоличные лидеры государств — не единственные, кто печется о региональном доминировании. Грант считал южноамериканскую гонку одним из следствий националистических и имперских амбиций, заставлявших государства добиваться престижа, равно как и следствием агрессивной торговой политики оружейных компаний. [10]

Международные оружейные компании внесли весьма сомнительный вклад в дело налаживания более тесного сотрудничества и взаимопонимания между полушариями. Продажа военных материалов небольшим, но гордым народам была чревата слишком многими неприятными и непредсказуемыми последствиями. Если кто по-настоящему выигрывал от гонки вооружений, то это были судостроительные концерны, для которых большие амбиции малых стран обернулись «золотым дождем». Для самих же латиноамериканцев это привело только к практически бесполезным расходам — одна из бразильских газет подсчитала, что на средства, потраченные на военно-морские амбиции, могло быть построено 3000 миль железнодорожного полотна или обустроено 30000 крестьянских усадеб.

Примечание

1. Трубицын С. Б. Линкоры второстепенных морских держав. СПб., 1998. — 64 с.
2. Scheina, R. L. Latin America: A Naval History, 1810–1987. Annapolis, MD: Naval Institute Press, 1987.
3. Martin, P. A. Latin America and the War. Gloucester, MA: Peter Smith, 1967.
4. Martins Filho, J. R. A marinha brasileira na era dos encouraçados, 1895-1910. Rio de Janeiro: Fundação Getúlio Vargas, 2010.
5. Каторин Ю.Ф., Ачкасов Н.Б. Мониторы и броненосцы береговой обороны. СПб. Галея-Принт, 2011.
6. Митюков Н.В. Броненосцы конца XIX в. Перу, Чили, Бразилии. // Наука и техника, 2010. № 3.
7. Miller, Charles. Battle for the Bundu: The First World War in East Africa. London: Macmillan Publishing Co, 1974.
8. de Almeida, F. E. A. Resenha: A marinha brasileira na era dos encouraçados, 1895-1910 // Revista da Escola de Guerra Naval. 2010. № 15. С. 163–164.
9. Waddell, D. A. G. Review of Latin America: A Naval History, 1810–1987 // Journal of Latin American Studies. 1988. № 2.
10. Grant, J. A. Rulers, Guns, and Money: The Global Arms Trade in the Age of Imperialism. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2007.

References:

1. Trubitsyn S. B. Linkory vtorostepennykh morskikh derzhav. SPb., 1998. 64 s.
2. Scheina, R. L. Latin America: A Naval History, 1810-1987. Annapolis, MD: Naval Institute Press, 1987.
3. Martin, P. A. Latin America and the War. Gloucester, MA: Peter Smith, 1967.
4. Martins Filho, J. R. A marinha brasileira na era dos encouraçados, 1895-1910. Rio de Janeiro: Fundação Getúlio Vargas, 2010.
5. Katorin YU.F., Achkasov N.B. Monitors and the Battleships of coast defense. St. Petersburg. Galeya-Print, 2011.
6. Mityukov N.V. Battleships of end XIX v. Peru, Chile, Brazil. // science and technology, 2010. № 3.
7. Miller, Charles. Battle for the Bundu: The First World War in East Africa. London: Macmillan Publishing Co, 1974.

8. De Almeida, F. E. A. Resenha: A marinha brasileira na era dos encouraçados, 1895-1910 // Revista da Escola de Guerra Naval. 2010. № 15. С. 163–164.
9. Waddell, D. A. G. Review of Latin America: A Naval History, 1810–1987 // Journal of Latin American Studies. 1988. № 2.
10. Grant, J. A. Rulers, Guns, and Money: The Global Arms Trade in the Age of Imperialism. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2007.

УДК 656.612.1

Некоторые аспекты Аргентино-Бразильского противостояния

Юрий Федорович Каторин

Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова,
Российская Федерация
198035, Санкт-Петербург, ул. Двинская, 5/7
Доктор военных наук, профессор
E-mail: katorin@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена южноамериканской гонке вооружений и анализирует одно из ее направлений – постройку в начале XX века речных бронированных кораблей, появившимся благодаря соперничеству Аргентины и Бразилии в бассейне Ла-Платы. Приводятся их технические характеристики, назначение, особенности конструкции и вооружение, описываются постройка кораблей и основные этапы службы в составе ВМС этих стран. Рассказывается о значении, которое имели эти корабли для флотов своих стран.

Ключевые слова: военно-морские силы Аргентины и Бразилии, Южноамериканская гонка вооружений, канонерские лодки «Росарио» и «Парана», мониторы «Пернамбуко», «Парагуассу», «Паранаиба» и тип «Жавари».

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Voennyi Sbornik
Has been issued since 1858.
ISSN: 2309-6322
E-ISSN: 2409-1707
Vol. 10, Is. 4, pp. 214-225, 2015

DOI: 10.13187/vs.2015.10.214
www.ejournal6.com

UDC 656.612.1

Cruiser Navy of Poland

¹Igor V. Yurin
²Artem A. Gonchar

¹National research university of information technologies, mechanics and optics, Russian Federation 197101, Sankt-Peterburg, Kronverkskiy prospekt, 49
PhD (military Science), Assistant Professor
E-mail: 9402015@mail.ru

²St. Petersburg University of the Russian Interior Ministry 198206, St. Petersburg, ul. Flyer Pilyutova, d. 1.
PhD (Military Science)
E-mail: gonchar.tema@yandex.ru

Abstract

This article is dedicated to the description of the history of appearance in the Navy of Poland the ships of class cruiser. The brief characteristic of the Polish fleet before World War II is given. There is given the history of the acquisition in Belgium of the former French cruiser «D'Entrecasteaux», converted into the training ship «Baltyk». Is told about the appearance in the composition of Polish Navy of the former British cruisers HMS «Dragon» and HMS «Danaya», renamed in «Conrad», their technical characteristics are given, is described the history of their building and service in the British fleet, target run in the composition of Polish Navy is outlined. There is described the sinking cruiser «Conrad» by the German guided torpedo «Neger».

Keywords: Navy of Poland, cruiser HMS «Dragon», cruiser HMS «Conrad», training ship «Baltyk», World War II, the torpedo «Neger», Stanislaw Dzienisiewicz Tytus.

Введение

Многие «малые» флоты всеми правдами и неправдами стремились включить в списки своих ВМС хоть один крупный корабль – броненосец, или хотя бы крейсер. Руководство страны было уверено, что наличие в их флоте такой боевой единицы поднимет их влияние и повысит международный престиж государства. Однако строить самостоятельно эти корабли могли только самые богатые и развитые страны, что они охотно и делали, но за «большие деньги». Польша свободных средств не имела, но, тем не менее, в составе ее флота все-таки оказались крейсера. История их появления настолько оригинальна, что заслуживает отдельного подробного рассказа.

Материалы и методы

Материалами для исследования послужила российская и зарубежная специализированная историография и справочная литература. В методологии широко применен историко-описательный метод.

Предыстория вопроса

В 1917 году Антанта вернула независимость Польше. Образованная после окончания Первой мировой войны страна имела выход к Балтийскому морю благодаря так называемому Польскому коридору через территорию Германии. Польский флот образовался из 6 старых германских миноносцев, переданных Польше по Версальскому договору. Длина береговой линии молодого государства составляла всего 90 миль, однако этот факт не смущал руководство новоявленного флота, и разработанная в 1920 году 10-летняя программа военного кораблестроения предусматривала постройку ни много ни мало двух линкоров, шести крейсеров, 28 эсминцев и большого числа малых кораблей. Общая стоимость программы достигла миллиарда злотых (200 миллионов долларов!), ее нереальность была настолько очевидна, что она даже не стала выноситься на обсуждение Сейма.

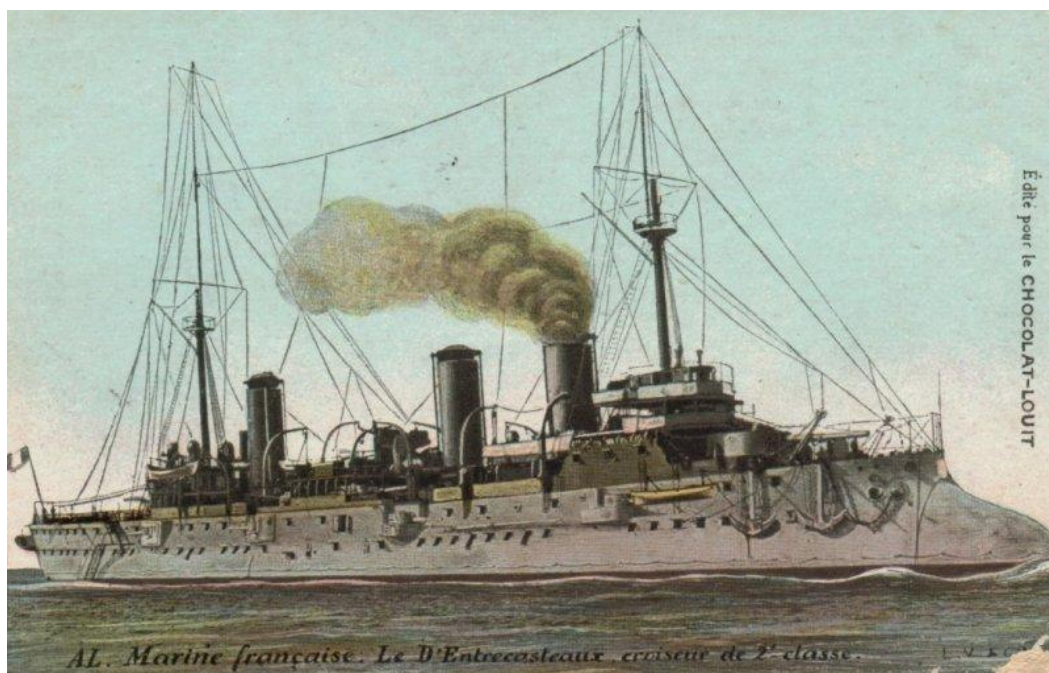

Рис. 1. Французский бронепалубный крейсер I класса «Д'Антрекасто»

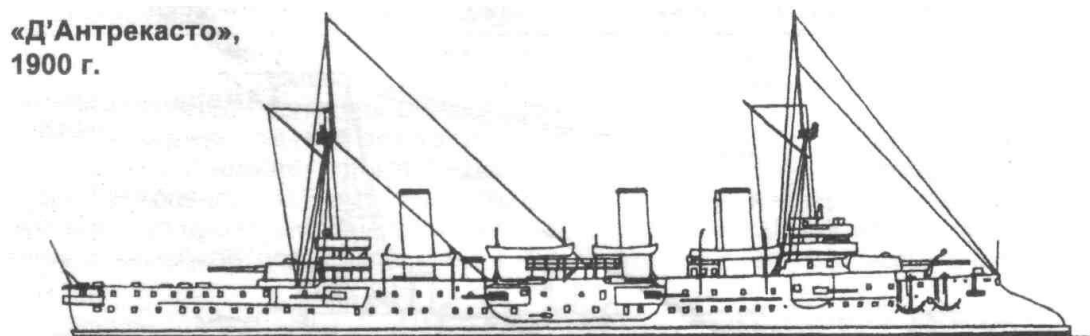

Рис. 1-1. Боковой вид крейсера «Д'Антрекасто»

Несмотря на амбициозные проекты некоторых польских лидеров по созданию крупных боевых кораблей, самой большой реальной боевой единицей военно-морского флота Польши был минный заградитель «Гриф» («Gryf»; водоизмещение стандартное 2250 т, мощность машин 6000 л.с., скорость хода 20 узлов, длина наибольшая 103,2 м, ширина

13,2 м, среднее углубление 3,6 м. Вооружение: шесть 120-мм и четыре 40-мм орудия, от 300 до 600 французских мин типа SM-5). Он был заложен в 1934 году на верфи французской фирмы «Огюстен Норман», и должен был сочетать в себе свойства минного заградителя, учебного судна и государственной яхты президента Пилсудского (Józef Klemens Piłsudski; 1867–1935). [1, 2]

Обсуждение

В 1927 году поляки купили у Бельгии бывший французский бронепалубный крейсер I класса «D'Entrecasteaux» («Д'Антрекасто»*), 1899 года постройки. В «молодости» это был весьма неплохой оригинальный корабль с тяжелой башенной артиллерией и умеренной скоростью. Предназначался для действий в отдаленных районах с жарким климатом: подводная часть корпуса была обшита деревом и покрыта медью, погреба боезапаса имели специальную систему охлаждения. Водоизмещение нормальное 7995 т, основные размерения 117 x 17,8 x 7,5 м. ПМ – 2, ПК – 5, мощность ЭУ 14 500 л.с., скорость 19,2 узлов. Экипаж 559 человек. Вооружение: два 240-мм/40, по двенадцать 138-мм и 47-мм орудий, два 450-мм ТА. Это были самые тяжелые орудия когда-либо устанавливавшиеся на французских крейсерах. Выбор необычного для крейсеров калибра объяснялся тем, что предполагалось применение «D'Entrecasteaux» против туземных укреплений, а также малых броненосцев второстепенных флотов. В таких обстоятельствах крупный калибр выглядел предпочтительнее скорострельных пушек. Для возможности ведения продольного огня из 138-мм орудия борта имели значительный завал. Башни главного калибра были защищены броней из никелевой стали толщиной до 250 мм. Восемь орудий калибром 138 мм расположены в казематах на главной палубе и 4 – на верхней палубе за щитами в средней части корпуса. Казематы и щиты имели броню толщиной 55 мм. Небольшая боевая рубка была прикрыта 250 мм броней. Толщина броневой палубы была 55 мм, скосы – 100 мм. Над ними располагалась противоосколочная палуба толщиной 20 мм и по бортам коффердам. [2, 3]

**Иосиф Антоний Бруни D'Entrecasteaux – французский мореплавател (1739–1793); первоначальное образование получил в иезуитской коллегии, откуда 15-ти лет был отдан во флот. В 1769 г., командуя фелукою, участвовал в покорении Корсики; в 1778 г., когда возгорелась война между Францией и Англией, получил в командование фрегат, на котором удачно отразил нападение двух корсаров, пытавшихся овладеть конвоируемыми им купеческими судами. В 1783 г. он получил назначение командовать французскою эскадрою в водах Ост–Индии. В это время он совершил с эскадрою замечательный переход из Индии в Китай, пройдя новым путем через Зондский архипелаг, кругом Марианских и Филиппинских островов. Когда в 1791 г. было решено послать экспедицию для отыскания следов Лаперуза, Д'Антрекасто был назначен командовать ею. Умер от цинги на пути к Молуккским островам. Хотя одна из главных целей экспедиции, отыскание следов Лаперуза (Jean François de Galaup, comte de La Pérouse; 1741–1788?), не была достигнута, но, тем не менее, плоды этого плавания весьма богаты, не столько по важности открытий, сколько по числу и точности произведенных исследований.*

К 1914 году скорость крейсера не превышала 17 узлов, однако его «поставили в строй». До 1916 года он действовал на Средиземном море, неоднократно обстреливал турецкие позиции в Палестине и Сирии. Затем оперировал в Ла-Манше, сопровождал конвои до Мадагаскара. Снова перешел на Средиземное море, где использовался преимущественно как войсковой транспорт. С 1919 года служил учебным судном в Бресте, позже был разоружен и подарен Бельгии как блокшив. После расформирования бельгийского флота, продан в Польшу за 3 млн. франков на слом 07.03.1927 и отбуксирован в Гдыню, где его вместо распила «на иголки» ввели в состав ВМФ как «Król Władysław IV»*. В 1930 году корабль переименован в «Baltyk» («Балтик»). Использовался польскими ВМС как плавучая казарма и учебное судно ОРП «Baltyk», стал главным учебным центром по подготовке специалистов для флота. В 1939 году захвачен немцами и в 1942 году разделан на металл. [3, 4]

**Владисла́в IV (Władysław IV Waza; 1595–1648) – король польский и великий князь литовский с 6 февраля 1633 года (провозглашение избрания 8 ноября 1632), старший сын*

Сигизмунда III. После низложения Василия Шуйского летом 1610 года московское правительство (Семибоярщина) признало королевича Владислава царем и чеканило от имени «Владислава Жигимонтовича» монету. 27 августа (6 сентября) 1610 года, как русский царь, принял присягу московского правительства и людей, но в православие не перешел, в Москву не прибыл и венчан на царство не был. В октябре 1612 года в Москве было низложено боярское правительство королевича Владислава; в 1613 году царем был избран Михаил Федорович Романов, однако до 1634 года Владислав продолжал пользоваться титулом Великого князя московского. В 1617 году Владислав, поощряемый польским Сеймом, неудачно попытался овладеть русским престолом, но ограничился территориальными уступками Москвы Польше по Деулинскому перемирию. Окончательно отказался от претензий на Россию по Поляновскому миру в 1634 году, уже будучи польским королем.

Но, как полноценный крейсер его учитывать, конечно же, не стоит, поскольку он в ВМФ Польши не был боевым кораблем, а использовался только в качестве блокшива. Ну, а описание в очередном альтернативно-историческом «шедевре» О.И. Тониной, как этот крейсер в 1939 году «изящным таранообразным носом хищно вспарывает морскую гладь», лихо воюет, обращая их в бегство, с немецкими линкорами (ну ладно бы только со старичком «Schleswig-Holstein», но ведь и на «Scharnhorst» замахнулся) и вывозит золотой запас страны – оставим на совести автора. Ольга Игоревна, безусловно «женщина приятная во всех отношениях», но даже и на нее поляки наверняка обиделись за такое откровенное издевательство над их «морской мощью».

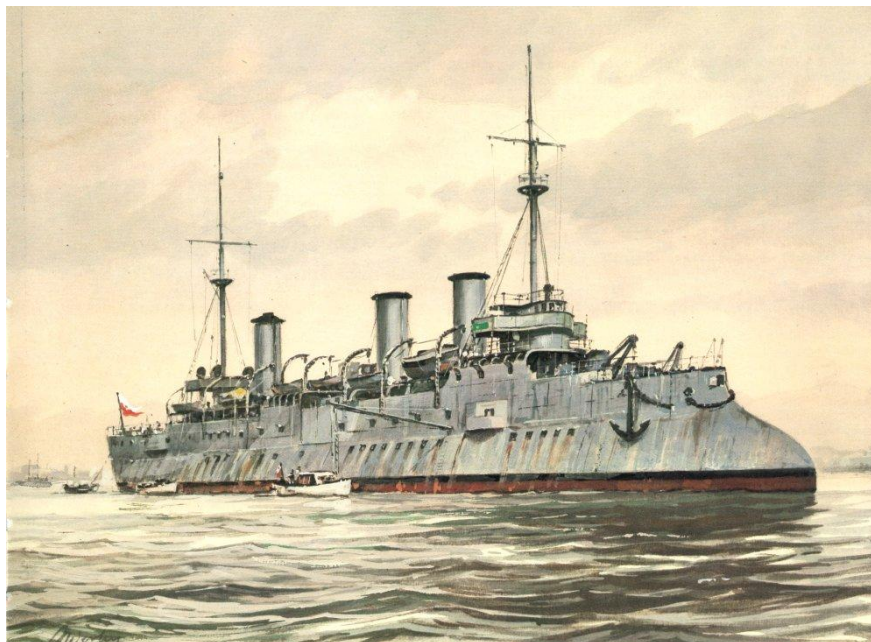

Рис. 2. Польский учебный корабль «Балтик».

К началу Второй мировой войны реальные, а не альтернативные, польские ВМС насчитывали 4 эсминца, 5 подводных лодок, 1 минный заградитель, 6 тральщиков, 2 канонерских лодки и ряд устаревших кораблей и судов. После падения Польши разрозненные корабли польских ВМС, избежавшие гибели или интернирования, попали под оперативное командование английского Адмиралтейства, сохранив при этом экипажи и национальные флаги. Уже летом 1940 года польский флот под британским управлением получил первое пополнение – за счет французских кораблей, захваченных в английских портах в июле того же года. За ними последовали корабли английского флота – всего за годы войны польский флаг поднимался двумя крейсерами, тремя эсминцами, тремя эскортными миноносцами, тремя подводными лодками и 10 ТКА из состава британского флота. [6]

Результаты

Крейсер ORP «Dragon» (бывший HMS «Dragon») – получен от RN 15.01.43. «Dragon» («Дрэгон») – последний корабль первой серии британских крейсеров типа D был заложен на верфи компании «Scotts' Shipbuilding & Engineering Co. Ltd.» 24 января 1917 года, спущен на воду 29 декабря 1917 года. Постройка крейсера «Dragon» полностью завершилась 16 августа 1918 года. 19 декабря 1928 года корабль прибыл на верфь в Четеме для ремонта, по окончании которого 18 марта 1930 года получил назначение в 8-ю крейсерскую эскадру Вест-Индской морской станции. В североамериканских водах «Dragon» служил до вывода в резерв 16 июля 1937 года. [7]

Рис. 3. Крейсер HMS «Dragon».

Крейсер вновь ввели в строй лишь перед самым началом войны, и в сентябре 1939 года «Dragon» числился в базировавшейся на Скапа-Флоу 7-й эскадре крейсеров Флота метрополии из состава Северного патруля. Это крейсерское соединение было сформировано из кораблей 7-й и 12-й эскадр под командованием вице-адмирала М. Хортон (Admiral Sir Max Kennedy Horton; 1883–1951) 6 сентября 1939 года для патрулирования в проливах между Шетландскими и Фарерскими островами, а также между Фарерскими островами и Исландией. В первые дни войны этим путем в германские порты пытались прорваться десятки немецких коммерческих судов, застигнутых войной в нейтральных портах. Вместе с торговыми судами стран-союзниц и нейтральных государств число остановленных для досмотра кораблей в первые три недели действий патрульных сил перевалило за сотню. [7]

До 1943 года он входил в состав британских королевских ВМС. Дальнейшая судьба крейсера «Dragon» приобрела неожиданный поворот. Командование военно-морского флота Польши во главе с вице-адмиралом Ежи Свирским (vice-admiral Jerzy Swirski; Георгий Владимирович Свирский, 1882–1959) еще с 1941 года добивалось передачи полякам во временное пользование на время войны (как сейчас говорят в лизинг) одного из строившихся крейсеров. Польские моряки, вероятно, очень рассчитывали получить крейсер типа «Colony». Ибо в постройке как раз находились целых три корабля этого типа, «Uganda», «Newfoundland» и «Ceylon», причем вступление в строй первых двух ожидалось в конце 1942-го – начале 1943 года, а третьего – полугодом позднее. Англичане, естественно, не были склонны передавать союзникам первоклассные новейшие корабли, тем паче, что сами испытывали в них острый недостаток, а, кроме того, вполне обоснованно считали, что поляки не имеют опыта использования кораблей крейсерского класса. [4, 7]

Рис. 4. Капитан 1 ранга Е. Плавский
(comandor Eugenius Plawski; 1895—1972)

Поэтому в июле 1942 года от британского Адмиралтейства поступило предложение передать РМВ один из старых крейсеров типа D, как только такой корабль появится в составе резерва. При этом указывалось, что передача корабля может состояться в середине 1943 года, а к этому времени польское командование должно подготовить обученный экипаж, который решили сформировать из моряков, прибывших из Советского Союза. В январе 1942 года в соответствии с советско-польским соглашением, заключенным в августе 1941 года, из СССР в Великобританию прибыли 1100 польских моряков бывшей Пинской речной флотилии, взятых в плен в 1939 году и около двух лет находившихся в советских лагерях*. Из них, в основном, и сформировали большую часть команды крейсера. Кроме речников, в состав экипажа вошли некоторые члены команд польских кораблей, ушедших в Англию в 1939 году и поляки-эмигранты из Франции. В результате сформированный разношерстный экипаж только на треть состоял из людей, имевших опыт морских плаваний. Еще больше проблем было с подбором командных кадров. Из Советского Союза прибыло всего лишь несколько офицеров, да и то в основном не моряков, а речников из состава Пинской флотилии. Командиром крейсера еще в январе был назначен один из опытнейших польских морских офицеров командор (капитан 1 ранга) Е. Плавский (comandor Eugenius Plawski; 1895—1972). [4, 6]

**Если военно-морской флот Польши оказал некоторое влияние на ход боевых действий при оккупации страны Германией, как напрямую, уничтожив аж четырех немецких моряков в ходе боя 2 сентября польских кораблей с немецкими эсминцами, так и косвенно – их потопление потребовало участия нескольких десятков самолетов люфтваффе, которые поэтому не были использованы на других участках фронта (правда, поляки пишут о 2 сбитых «юнкерсах», но немцы это опровергают), то речные корабли вообще не сделали ни одного выстрела по врагу и были героически затоплены своими экипажами. Флотилия базировалась на военный речной порт в Пинске и состояла из 6 речных мониторов, вооруженных 4 орудиями 7,5–10-см калибра, а также зенитными орудиями и пулеметами, 12 речных канонерских лодок, вооруженных пароходов и 30 моторных катеров, нескольких гидросамолетов и глиссеров. По разным данным в составе флотилии находились 41 офицер и 1422 подофицеров и матросов. Правда не все они попали в плен – перед капитуляцией генерал*

Клеберг, взявший на себя командование всеми польскими частями на Востоке, «разрешил» тем, кто родился на Полесье, вернуться домой, чем они и воспользовались. 23 сентября 1939 года Ворошилов и Шапошников приказали: «Военнопленных крестьян Западной Белоруссии и Западной Украины, если они представляют документы, удостоверяющие, что они действительно были мобилизованы поляками, разрешается освободить».

15 января 1943 года состоялась церемония передачи крейсера Польше во временное пользование на период войны. Сикорский постановил, английского названия крейсера не менять (сходное название носил первый польский военный корабль, галеон «Smok» – т.е. дракон по-польски, построенный в 1571 году на верфи в Эльбите, Восточная Пруссия). Изменилась лишь аббревиатура принадлежности корабля HMS (His Majesty's Ship – Его Величества Корабль) на ORP (Okret Rzeczy Pospolitej – Корабль Речи Посполитой) «Dragon». Крейсер вошел в состав Флота метрополии, хотя и не был зачислен в какую-либо из эскадр. Кроме того, 12 января состоялась смена командира корабля: вместо назначенного начальником штаба РМВ Е. Плавского командиром стал командор-поручник (капитан 2 ранга) Станислав Дзенисевич (Stanislaw Dzienisiewicz Tytus; 1897–1979). Период обучения экипажа закончился 6 февраля, на следующий день крейсер вышел из Гринока в Скапа-Флоу, куда прибыл 8 февраля. Вскоре «Dragon» был определен в 10-ю крейсерскую эскадру Флота метрополии, проходившую подготовку к десантной операции по высадке союзных войск на побережье Нормандии. Кораблям предстояла огневая поддержка высаживавшихся подразделений британской 3-й пехотной дивизии. [8, 9]

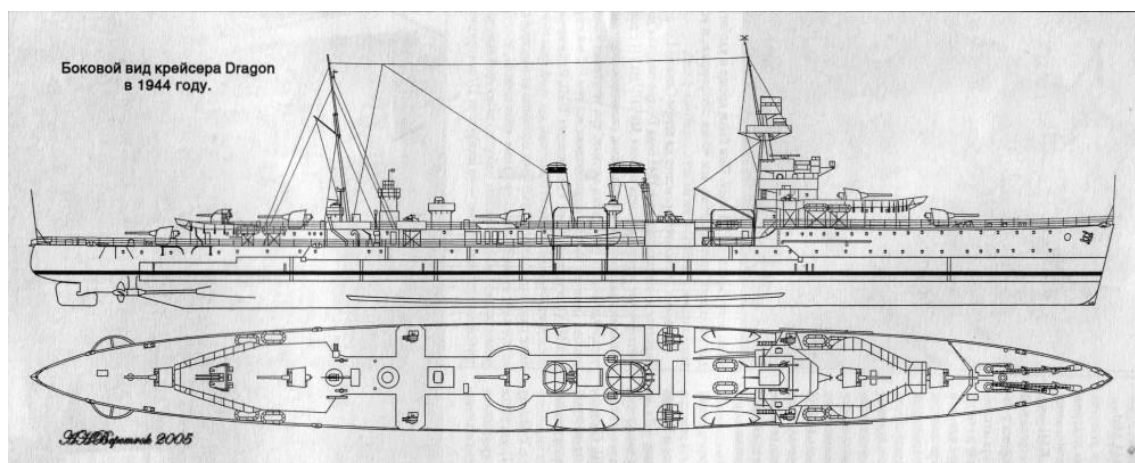

Рис. 5. Схема крейсера ORP «Dragon»

В 04.20 8 июля 1944 года «Dragon» атаковала немецкая человекоуправляемая торпеда «Neger» («Негер»), которая представляла собой «двухэтажный» комплекс в виде двух параллельно закрепленных торпед. Нижним «этажом» являлась обычная боевая торпеда G7e, а такая же верхняя торпеда служила транспортным средством. Поэтому вместо заряда взрывчатки (300 кг) в ее головной части поместили кабину водителя. В ней были установлены самые примитивные органы управления: акселератор, руль да рычаг пуска нижней торпеды. Прицел был самым примитивным – кольцо на кокпите и металлическая планка на носу торпеды. «Neger» мог пройти 48 миль со скоростью 4 узла. Пилот был втиснут в узкий кокпит, при этом его плечи и голова выступали над водой не более чем на 46 см. [10]

Впервые немцы применили такие торпеды в Ла-Манше в ночь с 5 на 6 июля, потопив два британских тральщика. Если быть точнее, «Neger» представлял собой нечто промежуточное между человеко-торпедой и сверхмалой подводной лодкой, управляемой единственным пилотом. Выпущенная старшим фенрихом-цур-зее Карлом Подхастом (Oberrfähnrichn zur See Karl Heinz Potthast; 1924–2011) боевая торпеда попала в кормовое машинное отделение. Взрыв произошел по левому борту на уровне ватерлинии между дымовыми трубами. На крейсере сначала решили, что корабль напоролся на мину: именно такое сообщение было передано в 5.01 флажным сигналом на крейсер «Emerald» для

передачи на штабной корабль. Никем не замеченный торжествующий Подхаст покинул район боя. Однако на пути в базу, после рассвета, его «Neger» был замечен британским тральщиком «Orestes» («Орестес») и потоплен огнем 20-мм автомата, раненный водитель попал в плен. [10]

Рис. 6. Германская человекоуправляемая торпеда «Негер»

Около суток продолжалась борьба экипажа за живучесть, однако спасти корабль не удалось. Полузатопленный крейсер отбуксировали к отмели, где он был оставлен в качестве дополнительного элемента искусственного мола порта №4 Gooseberry под Арроманшем. Крейсер «Дрэгон» был исключен из списков кораблей польского флота 9 июля 1944 года. Его подняли только в начале 1950-х годов, после чего продали на металл. При взрыве погибли 26 членов польского экипажа, в том числе один офицер. С крейсера «Emerald» обнаружили в море тела еще трех польских моряков, которые после отдания им соответствующих воинских почестей захоронили в море. Тела девяти убитых так и оставались в затопленных отсеках корабля. Общее число раненых составило 14 человек, но 11 из них впоследствии умерли. [8]

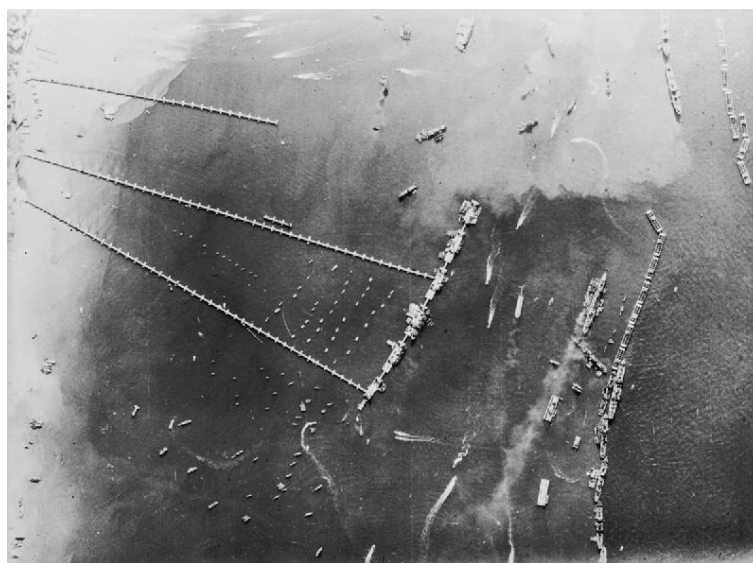

Рис. 7. Искусственный мол порта №4 Gooseberry

Для компенсации этой потери Польше был передан аналогичный крейсер «Conrad» (бывший HMS «Danae») — получен от RN 4.10.44. Корабль был заложен 11 декабря 1916 года, спущен 26 января 1918-го, вошел в строй в июне 1918 года. В 1923 году крейсер был включен в эскадру особого назначения КВМС, использовавшуюся для пропагандистских целей. С 1927 по 1929 годы «Danae» («Даная») несла службу в качестве корабля сопровождения в 1-й эскадре крейсеров. Потом она отправилась в Великобританию на ремонт и модернизацию, которые продолжались до 1930 года. После ремонта она вошла в 8-ю эскадру крейсеров, базировавшуюся в Вест-Индии. В 1935 году законсервирована. В июле 1939 года, когда стало ясно, что Вторая мировая война уже неизбежна, корабль был возвращен в состав Королевских ВМС Великобритании. Крейсер «Danae» к началу Второй мировой войны входил в состав 9-й эскадры крейсеров Южно-Атлантического командования. В январе 1940 года переведен на Китайскую станцию, где оставался до начала войны с Японией. 20.1.1942 вошел в состав так называемого Китайского соединения, сформированного для сопровождения конвоев в районе Сингапур – о. Ява. 28.2.1942 перешел в Коломбо и включен в состав Восточного флота. После ремонта в Тайне (1.8.1942 – 7.7.1943) вернулся в 4-ю эскадру крейсеров Восточного флота. [6]

Рис. 8. Британский крейсер HMS «Даная»

Служба в водах Индийского океана продолжалась до марта 1944 года, когда вся конвойная группа получила приказ вернуться в метрополию, что было связано с началом подготовки союзных сил к проведению операции по высадке в Нормандии. По окончании операции вторжения «Overlord» крейсер был выведен в резерв и 1 сентября направлен в Плимут, где в дальнейшем должен был использоваться в качестве плавучего склада в подчинении командования Портсмутского округа. Однако вскоре оказалось, что старому кораблю еще рано на покой, англичане решили передать его полякам, ибо он был однотипным с «Dragon», что позволяло избежать длительного процесса переобучения польского экипажа. 18-го июня 1944 года состоялось назначение польского командира корабля: им стал прежний командир крейсера «Dragon» командор С. Дзенисевич. После передачи Польше, до 23.1.1945 находился в ремонте, затем сопровождал союзные конвои в устье Шельды. [9, 11]

Водоизмещение 4575/около 6000 т; основные размеры 136 x 14 x 4,9 м; 4 ТЗА, 6 ПК, мощность ЭУ 40 000 л.с., скорость 29 узлов, запас топлива 1060 т нефти, дальность плавания 5000 (15) миль. Бронирование: борт 25–76 мм, палуба 25 мм, рубка 76 мм, щиты орудий ГК 25 мм. Экипаж 460 человек. Вооружение: пять 152-мм/50, два 102-мм/45 орудия, 2 x 4 — 40-мм, 5 x 2 и 4 x 1 («Dragon») или 4 x 2 («Conrad») 20-мм зенитных автоматов, 4 x 3 — 533-мм ТА (только на «Dragon», сняты в 1944 г.). Состав вооружения приведен на момент передачи кораблей польскому флоту. [3]

Рис. 9. Подъем польского флага на крейсере «Конрад»

В ходе ремонта поляками рассматривался вариант о переименовании «Данаи» в «Вильно» или «Львов», однако эти города по итогам Ялтинской конференции уже принадлежали СССР, и британцы, опасаясь возникновения конфликтной ситуации с Советским Союзом, сделать это не позволили. С мнением и интересами СССР, в отличие от современной России, в этот период в Европе очень даже считались. Тогда кораблю решили дать нейтральное с точки зрения политики имя, «Конрад», в честь Джозефа Конрада (D. Conrad; 1857–1924), английского писателя польского происхождения (настоящее имя Юзеф Теодор Конрад Коженёвский). [12]

Впрочем, повоевать кораблю удалось всего 20 дней. Из-за сильного износа механизмов 12.2 — 29.5.1945 крейсер снова находился в ремонте. Уже после капитуляции Германии корабль прибыл в Вильгельмсхафен, затем совершил 8 рейсов к берегам Скандинавии, перевозя репатриантов. С начала 1946 года «Conrad» находился в Розайте вместе с польскими эсминцами «Blyskawica», «Garland» и «Piogun». В феврале моряки этих кораблей приняли участие в маневрах Флота метрополии. 8 марта 1946 года польские корабли были выведены из состава Флота метрополии; теперь они были подчинены морскому командованию военно-морской базы в Розайте, образуя группу «Север». 15 апреля по соглашению с британским Адмиралтейством они совершили поход из Розайта в Плимут для встречи с экипажами базировавшейся там южной группы польских кораблей. В начале августа крейсер «Conrad» уже был готов к передаче Королевскому флоту, а часть экипажа переведена в Хелленсборо в Шотландии. [6]

Заключение

28.9.1946 крейсер был возвращен Великобритании и получил прежнее название «Danae», после чего польский экипаж отправили в лагерь РМВ в Оукгемптоне. Но служба его под «Юнион Джеком» была совсем недолгой — 22.1.1948 корабль продали на слом «British Iron and Steel Corporation» (BISCO), а три месяца спустя, 27 марта, он прибыл на верфь фирмы T.W.Ward в Барроу («Barrow Yard») для разделки на металл.

Примечания:

1. *Campbell J.* Naval weapons of World War Two. Annapolis, Maryland: Naval Institute Press, 1985. 468 p.

2. Conway's All the World's Fighting Ships 1906—1921. Conway Maritime Press, 1985. ISBN 0-85177-245-5
3. Conway's All the World's Fighting Ships, 1922—1946. Annapolis, Maryland, U.S.A.: Naval Institute Press, 1996. 628 p.
4. *Zawadzki Wojciech*. Polska Marynarka Wojenna w latach 1918—1939. // *Morza, Statki i Okręty*. 1998. № 3.
5. *Jane's Fighting Ships 1938*. Jane's Information Group Limited, 1938.
6. *Piaskowski Stanisław M*. Okręty Rzeczypospolitej Polskiej 1920-1946. Warszawa, 1996.
7. *Донец А.И.* Завершение линии «скаутов»: Крейсера типов D и E.M.: Военная книга. 2006. 100 с.
8. *Дашьян А.В.* Корабли Второй мировой войны. ВМС Польши и стран Скандинавии (Дании, Норвегии, Швеции и Финляндии)//Морская коллекция. 2005. № 03 (072). 32 с.
9. *Каторин Ю.Ф.* Крейсера. ч.2. СПб.: Галея Принт. 2010. 168 с.
10. Беккер К. Немецкие морские диверсанты. М.: Издательство иностранной литературы, 1958. 232 с.
11. *Стрельбицкий К.Б.* Судьбы офицеров польского ВМФ – выпускников военно-морских учебных заведений России в период Второй Мировой войны (1939–1945) / Елагинские чтения. Вып. 1. СПб, 2003.
12. *Каторин Ю.Ф.* Крейсера стран Северной Европы. СПб.: Галея Принт. 2014. 128 с.

References:

1. *Campbell J*. Naval weapons of World War Two. Annapolis, Maryland: Naval Institute Press, 1985. 468 p.
2. Conway's. All the World's Fighting Ships 1906—1921. Conway Maritime Press, 1985. ISBN 0-85177-245-5
3. Conway's. All the World's Fighting Ships, 1922—1946. Annapolis, Maryland, U.S.A.: Naval Institute Press, 1996. 628 p.
4. *Zawadzki Wojciech*. Polska Marynarka Wojenna w latach 1918—1939. // *Morza, Statki i Okręty*. 1998. № 3.
5. *Jane's Fighting Ships 1938*. Jane's Information Group Limited, 1938.
6. *Piaskowski Stanisław M*. Okręty Rzeczypospolitej Polskiej 1920-1946. Warszawa, 1996.
7. *Donets A.I.* Completion of the line "of scouts": Cruiser of types D and e. M.: Military book. 2006. 100 s.
8. *Dashyan A.V.* Ships World War II. Navy of Poland and countries of Scandinavia (Denmark, Norway, Sweden and Finland) the //Morskaya collection. 2005. № 03 (072). 32 s.
9. *Katorin YU.F.* Cruisers. ch.2. St. Petersburg: Galeya Of print. 2010. 168 s.
10. *Becker K.* German sea saboteurs. M.: Publishing house of foreign literature, 1958. 232 s.
11. *Strelbitskiy K.B.* Fates of the officers of Polish VMF – of the graduates of the Naval educational institutions of Russia in the period World War II (1939–1945) / Elaginskie readings. Iss. 1. St. Petersburg, 2003.
12. *Katorin Yu.F.* Cruisers of the countries of North Europe. St. Petersburg: Galeya Of print. 2014. 128 s.

УДК 656.612.1

Крейсера ВМС Польши

¹ Игорь Валентинович Юрин

² Артем Александрович Гончар

¹ Университет ИТМО, Российская Федерация
197101, Санкт-Петербург, Кронверский проспект, 49
Кандидат военных наук, доцент
E-mail: 9402015@mail.ru

² Санкт-Петербургский Университет МВД России, Российская Федерация

198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1.
Кандидат военных наук, старший преподаватель
E-mail: gonchar.tema@yandex.ru

Аннотация. Данная статья посвящена описанию истории появления в ВМС Польши кораблей класса крейсер. Дается краткая характеристика польского флота перед Второй мировой войной. Приводится история приобретения у Бельгии бывшего французского крейсера «Д'Антрекасто», превращенного в учебный корабль «Балтик». Рассказывается о появлении в составе польских ВМС бывших британских крейсеров «Дрэгон» и «Даная», переименованная в «Конрад», приводятся их технические характеристики, описывается история их постройки и служба в Британском флоте, прослеживается боевой путь в составе польских ВМС. Описано потопление крейсера «Конрад» германской управляемой торпедой «Негер».

Ключевые слова: ВМС Польши, крейсер «Данная», крейсер «Конрад», учебные корабль «Балтик», Вторая мировая война, человекоуправляемая торпеда «Негер», Станислав Дзенисевич.

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Voennyi Sbornik
Has been issued since 1858.
ISSN: 2309-6322
E-ISSN: 2409-1707
Vol. 10, Is. 4, pp. 226-242, 2015

DOI: 10.13187/vs.2015.10.226
www.ejournal6.com

UDC 94(47).084.8(470.61)

Lieutenant-General F.N. Remezov: the Milestones of Biography

¹Vladimir I. Afanassenko

²Evgeny F. Krinko

¹Institute of Social-Economic Research and Humanities
Southern Scientific Center Russian Academy of Sciences, Russian Federation
41, Chekhov Avenue, Rostov-on-Don, 344006
E-mail: krinko@ssc-ras.ru

²Institute of Social-Economic Research and Humanities
Southern Scientific Center Russian Academy of Sciences, Russian Federation
41, Chekhov Avenue, Rostov-on-Don, 344006
Dr (History)
E-mail: krinko@ssc-ras.ru

Abstract

The article is the first special study on F.N. Remezov, Soviet general and veteran of the Great Patriotic War. In July 1941 he conducted the 13th Army during the fights at Smolensk direction. Then he was a commander of the North Caucasian Military District and the 56th Separate Army. In late autumn of 1941 the troops under the command of Remezov left and in a week liberated Rostov-on-Don. But further Soviet offensive in the south direction has been stopped by the German defensive line Mius-front. Remezov became a commander of the South Ural Military District. In 1942–1945 he conducted the 45th Army in the Caucasus and Iran. The research is based on the archival and published sources.

Keywords: F.N. Remezov, Great Patriotic War, Red Army, Wehrmacht, military strategy and tactics.

Введение

В современной историографии переосмысливаются многие проблемы истории Великой Отечественной войны [1]. При этом деятельность ряда советских полководцев получает иную, чем прежде, оценку, имена других возвращаются из исторического забвения. К числу последних можно отнести и генерал-лейтенанта Ф.Н. Ремезова, во время войны командовавшего войсками нескольких армий и военных округов, выполнявших различные задачи. Вплоть до настоящего времени отсутствовали специальные исследования, посвященные его биографии. Деятельность Ф.Н. Ремезова в 1941–1945 гг. лишь вскользь упоминается в фундаментальных трудах и других публикациях по истории Великой Отечественной войны, что представляется незаслуженным по отношению к данному военачальнику.

Материалы и методы

Статья написана на основе документов из фондов Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). В первую очередь, это учетно-послужная карта (далее – УПК) Ф.Н. Ремезова и другие документы, характеризующие его деятельность как военачальника. Исследователям не известно о существовании дневников и воспоминаний самого генерала Ремезова, который вел после войны достаточно замкнутый образ жизни, практически не участвуя в ветеранских встречах. Однако его личность нашла отражение в мемуарах других авторов, использованных в подготовке данной работы. Исследование опирается на принцип историзма, определивший необходимость изучения судьбы военачальника в контексте определенной исторической эпохи. В описании судьбы Ремезова применялись историко-биографический метод, а также методы критического анализа источников и проблемно-хронологического изложения.

Обсуждение и результаты

Федор Никитич Ремезов родился 26 мая (7 июня) 1896 г. в рабочем поселке Каслинского завода Екатеринбургского уезда Пермской губернии (в настоящее время – Челябинской области). Основанный еще в середине XVIII в. Каслинский завод столетием позже прославился своим художественным литьем, а заводской поселок в это время насчитывал около 10 тыс. жителей и был четвертым по численности населенным пунктом в Екатеринбургском уезде. Среди Ремезовых (Ремизовых) в Российской империи встречались представители различных социальных слоев, в том числе дворяне, чиновники, писатели, публицисты и даже генералы [2]. Но сам Ф.Н. Ремезов о своем социальном происхождении сообщал коротко и ясно: «из рабочих», о национальности – русский или, как писали до революции, великоросс [3]. Фамилия Ремезовых и сегодня встречается среди бывших каслинских мастеровых династий. В 1907 г. Федор Ремезов окончил народную школу и только через десять с лишним лет, в 1918 г., продолжил обучение на четырехмесячных общеобразовательных курсах. В школе будущий командарм смог получить лишь минимальные знания, по крайней мере, иностранными языками не владел.

Неизвестно, чем занимался Ф.Н. Ремезов в десятилетнем промежутке между российскими революциями и как зарабатывал себе на жизнь. Но именно революция 1917 г. и последовавшие за ней события стали переломным моментом в его судьбе. Летом 1918 г. на Урале разгоралась Гражданская война. Для противодействия успешно наступавшим частям чехословацкого корпуса и отрядам белых 13 июня был создан Восточный фронт. Через два дня, 15 июня Федор Ремезов стал красноармейцем Каслинского отряда 1-го горного советского полка 2-й Уральской стрелковой дивизии. Впоследствии всегда подчеркивал, что вступил в ряды РККА добровольно. К этому времени он уже, действительно, был далеко не юношей – ему исполнилось 22 года, и, возможно, принял свое решение сознательно. В любом случае, рядовым Ф.Н. Ремезов прослужил недолго. Несмотря на всю ограниченность полученного образования, его хватило, чтобы вскоре перейти на штабную работу. В августе он стал письмоводителем, позже – делопроизводителем штаба 1-й бригады 2-й Уральской дивизии, а затем попал на только что организованные реввоенсоветом 3-й армии Вятские пехотные курсы.

В это время отступающая под натиском Колчака 3-я армия испытывала острую нехватку командных кадров, и годичный срок обучения был сокращен до нескольких месяцев. Вступивший в партию большевиков в конце 1918 г., Ремезов оказался среди 150 курсантов первого набора, и, как выяснилось впоследствии, самым известным и успешным их выпускником [4]. Это проявилось почти сразу после выпуска – большинство курсантов завершали учебу взводными командирами, а Ремезов с октября 1919 г. стал командиром роты 255-го Уральского стрелкового полка 26-й стрелковой дивизии. Меньше чем через месяц – временно исполняющим обязанности командира батальона. В боях получил легкое ранение.

Но в декабре 1919 г. на Урале завершились боевые действия, Колчак был разгромлен. А в январе 1920 г. в биографии Ремезова появилось «темное пятно»: его исключили из партии в связи с утерей партийного билета. Правда, в том же году восстановили, так что этот факт не имел для него дальнейших последствий. В связи с этими обстоятельствами или нет, но вскоре Федор Никитич оказался на юге страны – командиром роты отдельного

стрелкового батальона при штабе 9-й (Кубанской) армии. На Дону и Северном Кавказе завершались боевые операции против остатков Добровольческой армии, а затем по ликвидации десанта С.Г. Улагая, «Армии возрождения России» М.А. Фостикова и других антибольшевистских отрядов, представлявшие последние возможности проявить себя молодому командиру.

Участие в Гражданской войне предопределило всю дальнейшую жизнь Ф.Н. Ремезова, хотя он и не сделал столь блестящей карьеры, как другие советские полководцы. Например, командовавший 9-й армией М.К. Левандовский был старше его всего на шесть лет, но в Гражданскую войну вступил, уже имея пятилетний опыт военной службы (в том числе трех лет мировой войны), звание штабс-капитана и пять орденов! Всего на три года был старше Ф.Н. Ремезова и командовавший Кавказским фронтом РККА бывший лейб-гвардии поручик М.Н. Тухачевский, имевший к 1917 г. уже шесть орденов. В отличие от них, Ремезов вступил в Красную армию рядовым, не имея ни военного образования, ни боевого опыта. Что не помешало ему, впрочем, продолжить службу в командном составе РККА по окончании войны.

Окончив курсы командиров батальонов Высшей стрелковой школы в Москве («Выстрел»), Ремезов в августе 1921 г. оказался уже на западной границе страны в должности командира батальона 3-го Витебского полка особого назначения. В это время борьба с бандитизмом на западных рубежах страны, которую вели части особого назначения (ЧОН), приобрела крайне напряженный характер. Ремезов служил начальником группы войск особого отряда по борьбе с бандитизмом, затем на различных должностях в штабе ЧОН Витебской губернии и Западного фронта, и в его УПК май – июль 1922 г. указан как период участия в боевых действиях.

В марте 1924 г. Ф.Н. Ремезов продолжил службу в частях ЧОН на Урале, а после их ликвидации перешел на штабную работу в 57-ю Уральскую стрелковую дивизию. Очевидно, что он больше тяготел именно к штабной работе, по крайней мере, в этот период. Во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг. Ремезов, успешно проходя все аттестации, постепенно поднимался вверх по служебной лестнице: младший, затем старший помощник начальника оперативной части штаба дивизии, начальник штаба 5-го резервного Пензенского стрелкового полка Приволжского военного округа (ПриВО). Служил на разных должностях в штабе ПриВО, затем стал командиром 255-го Магнитогорского стрелкового полка 85-й стрелковой дивизии Уральского военного округа. В 1932 г. прошел заочные курсы Военной академии Фрунзе, в 1936 г. ему было присвоено звание полковника.

В целом, в 1920–1930-е гг. Ф.Н. Ремезов уверенно, но не спеша делал военную карьеру. Что понятно: он не служил в 1-й Конной армии, многие командиры которой заняли впоследствии высокие посты в советском военном руководстве и не принадлежал к числу боевых соратников К.Е. Ворошилова, С.М. Буденного и других «конармейцев», помогавших друг другу в продвижении по службе. Только после массовых репрессий в 1937–1938 гг., приведших к значительной убыли командного состава РККА, служебный рост Ф.Н. Ремезова пошел быстрее, хотя сам он, судя по всему, не был причастен к «чисткам» в армии. В июне 1937 г. Ф.Н. Ремезов был назначен командиром 45-й стрелковой дивизии 8-го стрелкового корпуса Киевского особого военного округа (КОВО), а 17 февраля 1938 г. ему было присвоено звание комбрига. Через пять дней он получил свой первый орден Красного Знамени, 15 июля стал командиром 15-го стрелкового корпуса КОВО, а 22 июля – командующим Житомирской армейской группой войск. В конце сентября – октябре войска группы находились в боевой готовности западнее города Новоград-Вольнского для оказания помощи Чехословакии. Лишь после захвата Германией Судетской области боевая готовность была отменена. 9 февраля 1939 г. Ф.Н. Ремезову было присвоено звание комкора, а 22 июля он стал командующим войсками Забайкальского военного округа – непосредственно в период вооруженного конфликта на реке Халхин-Гол.

При переаттестации ему, как и большинству других комкоров, 4 мая 1940 г. присвоили звание генерал-лейтенанта, а 11 мая назначили командующим войсками Орловского военного округа (ОрВО). В этом звании и в этой должности принимал участие в совещании высшего руководящего состава РККА 23–31 декабря 1940 г., выступал по докладу командующего КОВО генерала армии Г.К. Жукова «Характер современной наступательной операции» [5]. Вместе с Ремезовым, как и полагалось, на новое место службы переезжала

его семья – жена Ольга Павловна (1900 г.р.) и дочка Люба (1927 г.р.). По воспоминаниям очевидцев, жили они, как и все, достаточно скромно, ничем не выделяясь среди остальных советских граждан [6].

За месяц с небольшим перед войной, 19 мая 1941 г. Ф.Н. Ремезова зачислили в распоряжение Наркомата обороны СССР в ожидании нового назначения. И оно быстро последовало: с началом войны Ф.Н. Ремезов возглавил 20-ю армию, сформированную на базе управления и войск ОрВО и состоявшую из двух стрелковых, одного механизированного корпусов, других частей и соединений. Армия направлялась под Смоленск, на Западный фронт. Но уже 5 июля Ф.Н. Ремезов передал командование 20-й армией генерал-лейтенанту П.А. Курочкину, сменившему его перед этим на должности командующего ОрВО.

8 июля 1941 г. командующий 13-й армией Западного фронта генерал-лейтенант П.М. Филатов был вызван в штаб фронта, который располагался в поселке Гнездово севернее Смоленска. На обратном пути машина командарма была обстреляна немецким истребителем. Филатов получил смертельное ранение. Новым командующим был назначен генерал-лейтенант Федор Никитич Ремезов. На рассвете 9 июля он прибыл в штаб армии, располагавшийся в этот день в сосновом лесу в 12 км севернее Могилева, близ села Новый Любуж. Бывший начальник оперативного отделения штаба армии подполковник С.П. Иванов так описал первую встречу с Ремезовым: «Переписав начисто проект приказа, я пошел к А.В. Петрушевскому. Однако за его столом сидел незнакомый генерал-лейтенант и оживленно беседовал с Александром Васильевичем. Это был молодежавый человек с зачесанными назад волнистыми волосами, низко посаженными над глазами бровями и небольшими усиками. Вид у него был, как перед парадом: обмундирование наглаженное, ремни новые, сапоги начищены до блеска, на груди – орден Красного Знамени, медаль «XX лет РККА» и значок депутата Верховного Совета СССР. Я растерялся и хотел закрыть дверь. – Товарищ подполковник! – услышал я звонкий голос. – Не пугайтесь – я не привидение, а ваш новый командарм» [7].

«Несчастливый» номер армии вполне соответствовал обстановке в ее полосе обороны по реке Днепр. Положение войск 13-й армии после боев под Минском и отхода к Днепру было чрезвычайно тяжелым. Армейская полоса по восточному берегу Днепра составляла свыше 100 км от городка Копысь до Нового Быхова. В центре боевых порядков армии был город Могилев, жители которого оказали огромную помощь в создании вокруг города полевых укреплений: отрыли противотанковые рвы и эскарпы, под руководством армейских саперов из бревен, металла и бетона возводили доты и дзоты.

Опыт Mogilevчан был позже использован Ремезовым при создании полевого оборонительного рубежа под Ростовом-на-Дону. В состав армии включили 45-й и 61-й стрелковые корпуса. 61-й корпус генерал-майора Ф.А. Бакунина силами 53-й стрелковой дивизии оборонял рубеж Копысь – Шклов. 110-я стрелковая дивизия готовила оборону в полосе от Шклова до села Николаевки. 172-я стрелковая дивизия генерал-майора М.Т. Романова готовила круговую оборону Могилева. Ее 747-й стрелковый полк окапывался на восточном берегу Днепра от Могилева до Дашковки. Южнее, в полосе в 50 км тонкой цепочкой развернулась 187-я стрелковая дивизия 45-го корпуса комдива Э.Я. Магона. За ее спиной 9 и 10 июля сосредотачивались прибывавшие по железной дороге 148-й и 132-я стрелковые дивизии [8].

В полосе обороны армии к Днепру вышли главные силы 2-й танковой группы генерал-полковника Гейнца Гудериана – 47, 46-й и 24-й моторизованные корпуса в составе пяти танковых, трех моторизованных, одной кавалерийской дивизий и отдельного мотополка «Великая Германия». Создатель бронетанковых войск вермахта Гудериан решил сходу форсировать Днепр, не дожидаясь подхода пехотных соединений, скованных боями с окруженной группировкой советских войск западнее Минска. В целях достижения внезапности все передвижения немецких танковых войск и их выход в районы форсирования совершались только ночью [9].

10 июля после мощной артиллерийской и авиационной подготовки немецкие войска форсировали Днепр и создали плацдармы у городов Копысь, Шклов и южнее Могилева. Саперы навели понтонные переправы, и на восточный берег реки поползли танки и машины с мотопехотой. Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко приказал войскам 13-й

армии «уничтожить части противника, прорвавшиеся на восточный берег р. Днепр и прочно оборонять рубеж реки Днепр» [10]. 11 и 12 июля во всей полосе армии шли кровопролитные бои днем и ночью. Двухдневные попытки стрелковыми частями и подразделениями 61-го и 45-го корпусов контратаковать противника и сбросить его в Днепр не увенчались успехом, несмотря на героизм и самопожертвование войск. Используя разрывы в боевых порядках советских войск, группы танков с десантом мотопехоты и мотоциклисты с пулеметными колясками устремились в тыл дивизиям 13-й армии, сея панику и срывая сроки выхода прибывавших частей 132, 137-й и 160-й стрелковых дивизий на рубеж контратаки. Штаб армии 11 июля перебрался в рощу у станции Чаусы и не имел устойчивой связи с соединениями. Ремезов решил лично руководить боем и в 6 часов утра 12 июля выехал на передовой командный пункт Э.Я. Магона у деревни Червонный Осовец. Южнее станции Чаусы в районе деревеньки Давидовичи машина командарма была обстреляна прорвавшимися автоматчиками 10-й моторизованной дивизии генерала Лепера. Федор Никитич получил пять пулевых ранений в бок и левую ногу. Только хладнокровие водителя, заложившего сумасшедший вираж, да клубы непроницаемой пыли спасли Ремезова и его спутников. Майор В.И. Светличный и старший лейтенант Ф.М. Потапов, сами получившие легкие ранения и порезы от осколков стекол и пуль, быстро перевязали командующего и доставили в медсанбат 148-й стрелковой дивизии, где ему оказали квалифицированную помощь, а затем отправили в тыловой госпиталь.

После операции Ф.Н. Ремезов находился на излечении в военном госпитале – бывшем санатории высшего комсостава РККА в Архангельском. В середине августа комиссар госпиталя ознакомил раненых старших командиров с содержанием приказа Ставки ВГК № 270 о предании суду военного трибунала генералов В.Я. Качалова, П.Г. Понеделина и Н.К. Кириллова и с приговором Военной коллегии Верховного суда СССР от 22 июля о расстреле бывшего командования Западного фронта. После этого старший батальонный комиссар вместе с неразговорчивым особистом заставили каждого из прослушавших командиров написать «ознакомлен» и поставить личную подпись. Складывая в папку листочки бумаги, военком госпиталя утрюмо проворчал: «Мотайте на ус, товарищи. Воевать надо лучше! Иначе, сами понимаете...». В госпитальных палатах вечером не было слышно разговоров. Каждый на своей койке обдумывал услышанное...

Пролежав почти два месяца без одной недели на больничной койке, 4 сентября 1941 г. Ф.Н. Ремезов получил новое назначение – командующим Северо-Кавказским военным округом (СКВО). На следующий день, с едва затянувшимися ранами на ноге, генерал-лейтенант Ремезов прибыл в Ростов-на-Дону. Когда он, прихрамывая и опираясь на массивную палку, вошел в здание штаба округа, там бурлила деловая суета. На территории Ростовской, Сталинградской, Астраханской областей, Краснодарского и Орджоникидзевского краев, автономных республик Северного Кавказа осенью 1941 г. в учебных лагерях и центрах формировались 11 стрелковых и 7 кавалерийских дивизий, 5 танковых бригад. В Сталинграде, Фролово, Дубовке, Камышине, Красноармейске проходил обучение личный состав 333, 335, 337, 341, 351-й стрелковых дивизий. В Ростове-на-Дону – 339-я, в Астрахани – 349-я, в Краснодаре – 347-я, в Новороссийске – 353-я, а в Ворошиловске (Ставрополе) – 343-я стрелковые дивизии. Из Поти на Тамань была переведена формировавшаяся 345-я стрелковая дивизия. В сохранившихся с дореволюционных времен казачьих учебных лагерях командиры кавалерийских частей получали с казенных конных заводов и из колхозов скакунов, упряжь, седла, тачанки и повозки. Доукомплектовывались личным составом, в основном из казачьего населения Дона, Кубани и Терека 60-я (станция Иловлинская), 62-я (Тихорецк), 64-я (Кропоткин), 66-я (Армавир), 68-я (Персиановка), 70-я (Ставрополь), 72-я (Краснодар) легкие кавалерийские дивизии [об их судьбе см.: 11–12]. При учебном центре Сталинградского тракторного завода формировались и получали материальную часть экипажи 45, 47, 48-й и 49-й танковых бригад. На базе расформированной 6-й танковой дивизии создавалась 6-я отдельная танковая бригада. Продолжалось формирование шести добровольческих (ополченческих) кавалерийских казачьих дивизий. После отправки в действующую армию формирований первой волны мобилизации для новых соединений не хватало многих видов вооружения и оснащения.

Эта круглосуточная работа с головой поглотила Ремезова. И, тем не менее, первоначально показалось, что здесь, на юге, война еще совсем далеко. В теплом, зеленом и все еще цветущем, несмотря на начало осени Ростове-на-Дону, где размещался штаб округа, стояла хорошая погода, а о войне напоминали, пожалуй, лишь режим светомаскировки, заклеенные бумажными полосками крест – накрест окна, да ополченцы, маршировавшие на площадях и улицах города. Обилие фруктов и овощей, рутинная работа по мобилизации и отправке на фронт воинских соединений укрепляли иллюзию мирной жизни. Но всего через месяц с небольшим война вплотную подошла к Ростову и Федору Никитичу вновь пришлось вступить в бой с войсками вермахта...

8 октября 1941 г. передовые разведывательные подразделения 1-й танковой армии генерал-полковника Э. фон Клейста вторглась в Ростовскую область по мариупольскому шоссе. По тревоге навстречу противнику были выдвинуты части ростовского гарнизона — сводные курсантские полки пехотного, военно-политического и артиллерийского училищ и сводный отряд (1 000 штыков) майора Орехова из состава 33-го мотострелкового полка НКВД. Ценою больших потерь курсанты обеспечили развертывание на рубеже р. Миус в полосе Матвеев-Курган — Покровское — Николаевка частей Таганрогского боевого участка (150, 339, 31-я стрелковые, 66-я кавалерийская дивизии), созданного 10 октября. Боевые действия войск Таганрогского боевого участка в период 11–19 октября представляли собой комплекс оборонительных и наступательных операций против передовых частей и соединений 1-й танковой армии. Части 339-й Ростовской стрелковой дивизии вводились в бой сходу, довооружаясь винтовками и пулеметами на переходах, после трехсуточного марша из Персиановских лагерей. Полевой и противотанковой артиллерии в дивизии имелось всего по две батареи. Кадровая 31-я Сталинградская стрелковая дивизия прямо из эшелонов, прибывавших в Ростов из Армении, по-батальонно выдвигалась на восточный берег Миуса в полосе сел Троицкое, Николаевка, Домогайловка, с ходу занимая необорудованный в инженерном отношении тридцатикилометровый рубеж. Противник сильными боевыми группами мотопехоты и танков форсировал Миус и захватил на восточном берегу три плацдарма: в селе Троицком, на высоте 83,0 и в селе Николаевке. Под нажимом прибывшего на Южный фронт представителя Ставки ВГК Маршала Советского Союза Г.И. Кулика командующий фронтом генерал-полковник Я.Т. Черевиченко приказал 14 октября перейти в наступление войскам левого фланга 9-й армии генерала Ф.М. Харитонова и Таганрогского боевого участка генерал-майора И.И. Хоруна, с задачей разгромить и отбросить мотомеханизированную группировку Клейста.

Решение Кулика и Черевиченко о наступлении слабовооруженных и необстрелянных стрелковых и кавалерийских соединений на бронетанковые дивизии Клейста было ошибочным и не соответствовало реальной обстановке. В течение 14–16 октября части 150-й и 339-й стрелковых дивизий и кавалеристы продвинулись с боями на 12–15 км западнее Миуса, но затем, под ударами танков и мотопехоты, поддержанных бомбо-штурмовыми налетами авиации, понесли большие потери в личном составе и боевой технике и отступили за Миус. Утром 17 октября, после короткой, но мощной артиллерийско-минометной подготовки 13-я танковая и 1-я моторизованная «Лейбштандарт СС «Адольф Гитлер» дивизии в районе Троицкого прорвали фронт на стыке 31-й и 339-й стрелковых дивизий и стали развивать прорыв в направлении Таганрога. К 15.00 танки 13-й дивизии генерал-майора Вальтера Дюверта вышли к порту и стали расстреливать суда с эвакуировавшимися, скопившиеся на рейде Таганрога. Овладев Таганрогом, 3-й моторизованный корпус силами двух танковых и двух моторизованных дивизий развернул наступление на Ростов по кратчайшему направлению, вдоль шоссе, шедшему вдоль берега Азовского моря.

Для обороны «ворот Кавказа» 16 октября по приказу Ставки ВГК на базе штаба СКВО было сформировано полевое управление 56-й Отдельной армии на правах фронта, с непосредственным подчинением Ставке. В состав армии включались 317, 343, 347, 353-я стрелковые, 62, 64, 68, 70-я кавалерийские дивизии, 6-я отдельная танковая бригада, несколько артиллерийских полков усиления. Командармом назначен командующий войсками СКВО генерал-лейтенант Ф.Н.Ремезов.

Рис. 1. Генерал-лейтенант Ф.Н. Ремезов – командующий 56-й армией. 1941 г. [13].

К моменту выхода немецких танковых и моторизованных дивизий на западные окраины Ростова оборону успели занять четыре полка 343-й и 353-й стрелковых и два полка 68-й кавалерийской дивизий. В ожесточенных боях 20–28 октября под селом Чалтырь немецкое наступление было остановлено. В отражении первого наступления на Ростов Ремезов умело использовал немногочисленные танки 6-й отдельной танковой бригады и 81-го отдельного батальона для создания мощных противотанковых опорных пунктов, в боях за которые ударные группы противника несли большие потери, теряли темп и контратаками наших войск отбрасывались из мест вклинения в полосу обороны армии. За тысячу километров от Ростова, в боях под Москвой, в это же время такую же тактику использовал полковник М.Е. Катуков, будущий прославленный танковый военачальник.

Не сумев овладеть Ростовом-на-Дону ударом с запада, немецкое командование перенесло направление удара севернее, в полосу 9-й армии Южного фронта. Замысел состоял в стремительном наступлении на Шахты, с поворотом затем на юг, на Новочеркасск и Ростов. Для этого наступления привлекались две танковые и две моторизованные дивизии под управлением 14-го моторизованного корпуса. В ходе боевых действий 5–8 ноября противник, потеснив соединения 9-й армии генерала Харитонов, продвинулся на восток на 30–35 км. Большие потери и наступившая распутица заставили Клейста отказаться от продолжения наступления на Шахты. Вместе с тем, выход частей 14-й танковой и 60-й моторизованной дивизий на северный берег р. Тузлов позволял немецкому командованию нанести удар на Ростов с севера, где оборону занимала необстрелянная и слабо сколоченная 317-я Бакинская стрелковая дивизия полковника И.В. Середкина. Высокая мобильность танковых и механизированных войск позволила генералу Э. фон Клейсту быстро осуществить перегруппировку 1-й танковой армии. В середине ноября 1941 г. 14-я танковая и 60-я моторизованная дивизии вермахта были переброшены в район Волошино и Кутейниково. Две танковые и две моторизованные дивизии вермахта должны были прорвать советский фронт в направлении села Большие Салы и поселка Орджоникидзе, расчленив новочеркасскую и ростовскую группировки, захватить Ростов-на-Дону, окружить и уничтожить прикрывавшие его войска РККА. С севера ударную группировку Клейста прикрывали 16-я танковая дивизия, моторизованная дивизия СС «Викинг» и 49-й горнострелковый корпус.

В свою очередь, советское командование решило разгромить и уничтожить 1-ю танковую армию Клейста. 13 ноября был утвержден план наступательной операции Южного фронта. Главный удар во фланг и в тыл группировке противника наносила вновь созданная 37-я армия. Ее с флангов поддерживали 18-я и 9-я армии. Кавалерийский корпус

и моторизованную бригаду НКВД планировалось бросить в тыл группировке противника в направлении Ровеньки – Куйбышево – Артемовки.

В понедельник, 17 ноября, в 9 часов утра войска Южного фронта перешли в наступление. Но ровно за час перед этим 3-й моторизованный корпус 1-й танковой армии начал свое наступление на Ростов-на-Дону. Выносной пункт управления 56-й Отдельной армии располагался в поселке Каменоломни на северо-западной окраине Ростова, в 400 м от моста через р. Темерник. Командование 56-й Отдельной армии не ожидало немецкого наступления, о чем свидетельствует утренняя оперативная сводка штарма-56 на 8.00 17 ноября: «Противник активных действий не проявлял...» [14]. В то время, когда подписывалась эта сводка, части 13-й и 14-й танковых, моторизованной СС «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер» дивизий атаковали передний край 317-й Бакинской стрелковой дивизии. Используя сильный туман, при котором видимость не превышала 50–100 м, танки противника группами по 4–5 машин окружали огневые позиции орудий и минометов, сосредоточенным огнем уничтожали расчеты, боевую технику и транспортные средства.

В бою с прорвавшимися в Большие Салы танками противника погиб командир дивизии полковник И.В. Середкин. Командование армии только к исходу дня узнало о прорыве танков и мотопехоты противника в село Большие Салы. В 19.00 Ремезов подписал приказ соединениям и частям армии: прочно оборонять занимаемые рубежи и организовать уничтожение прорвавшихся танков противника в районе Большие Салы. Но контрудар не состоялся. К 15 часам противник окружил четыре батальона 353-й дивизии и стал продвигаться в направлении сел Султан-Салы и Красный Крым. На пути 50 танков и двух батальонов мотопехоты «Лейбштандарта СС Адольф Гитлер», у перекрестка дорог в 3 км юго-западнее села Большие Салы встала полковая батарея из четырех 76,2-мм орудий образца 1927 г. 606-го стрелкового полка под командованием лейтенанта С.М. Оганова. Почти четыре часа артиллеристы вели неравный бой. Они отразили три массированных танковых атаки, подбили 18 и сожгли 12 танков и бронемашин. Только уничтожив все пушки и 27 героев-артиллеристов, превосходящие силы врага сумели продвинуться еще на 6 км и захватить село Красный Крым. В своих мемуарах бывший командир 3-го моторизованного корпуса Эберхард фон Макензен писал: «18 ноября на выдвинувшуюся в БОЛЬШИЕ САЛЫ 14-ю танковую дивизию целый день с трех сторон велись яростные атаки русских при поддержке более 100 вражеских танков. Но храбрая дивизия все же осталась хозяином положения. Справа от нее “лейбштандарт” развил свое наступление вплоть до поселка КРАСНЫЙ КРЫМ, в то время как слева от танковой дивизии продвигалась 60-я моторизованная дивизия, своим наступлением на восток и юго-восток прикрывавшая левый фланг корпуса южнее реки Тузлов» [15].

С утра 19 ноября противник стал наращивать силу своих ударов на Аксайском и Ростовском направлениях в условиях сохранявшегося тумана. По воспоминаниям одного из участников боев: «На третий день нашего наступления густой туман окутал скованную морозом землю, видимость была не более трех метров. Повсюду вокруг слышался тяжелый лязг и скрежет бронированных чудовищ. Медленно и осторожно мы ощупью пробирались вперед сквозь плотную белую завесу, замирая на месте и прислушиваясь каждые несколько минут. В конце концов, полностью потеряв контакт с соседями справа и слева, мы вовсе остановились» [16].

В ночь на 20 ноября остатки 353-й стрелковой дивизии отошли на северо-западную окраину Ростова. Левее 343-я Ставропольская стрелковая дивизия в течение дня отражала атаки мотопехоты 13-й танковой дивизии. Для обороны северных и северо-восточных подступов к Ростову по приказу генерала Ремезова была введена в бой 347-я Краснодарская стрелковая дивизия полковника Н.И. Селиверстова. Вечером на заседании Военного совета 56-й Отдельной армии был подписан приказ, в котором предусмотрительно закреплялись маршруты отхода и переправы на левый берег Дона всех соединений и частей усиления армии. В четверг, 20 ноября, в 4.30 утра представитель Ставки Верховного Главнокомандования начальник Генерального штаба РККА маршал Советского Союза Борис Михайлович Шапошников от имени Ставки ВГК дал прямое указание генерал-лейтенанту Ремезову: «Город Ростов должен быть удержан при всяких обстоятельствах. Драться до последнего бойца!» [17].

В течение дня 20 ноября по всему фронту 56-й Отдельной армии шли ожесточенные бои с большими потерями с обеих сторон. При бомбежке танковой колонны противника у села Султан-Салы погиб смертью героя военком 366-го ближнебомбардировочного авиаполка батальонный комиссар А.Г. Соболев, направивший свою горящую машину в скопление живой силы и техники противника. К 17 часам до батальона автоматчиков с 30–40 танками овладели районом главного железнодорожного вокзала и небольшими группами стали распространяться с западных окраин города к его центру, выходя в тыл 31, 347, 353-й и 343-й стрелковым дивизиям. В районе железнодорожных и наплавного автогужевого мостов завязались скоротечные бои, переходившие в рукопашные схватки, в результате которых переправы несколько раз переходили из рук в руки. С наступлением темноты противник проник в центр города и, действуя с тыла, пытался уничтожить гарнизоны, оборонявшие баррикады, ведя по ним огонь из автоматов, пулеметов и минометов. В 21.00 командующий 56-й Отдельной армии генерал-лейтенант Ремезов отправил в Ставку ВГК боевое донесение: «К переправам просочились мелкие группы автоматчиков. Страшат, конечно, не они. За ними идут танковые дивизии, которые рассекли армию надвое: Отряд РАУ, 68-я кавалерийская и остатки 317-й стрелковой дивизий с боями отходят на Новочеркасск, а 343, 353-я и остатки 31-й стрелковых дивизий ведут бои в городе, прокладывая путь к переправам» [18]. К этому времени Военный совет и часть командиров и политработников штаба 56-й Отдельной армии, находившихся на выносном пункте управления в центре города, в здании обкома ВКП(б), использовали успешную контратаку одного батальона для отхода на основной командный пункт в Батайске. Одним из последних, когда немцы уже ворвались на первый этаж здания, уходил маршал Кулик, видимо, предчувствовавший, что ему придется лично, как представителю Ставки ВГК, отвечать перед И.В. Сталиным за сдачу Ростова и Керчи. Для поддержания связи с частями и соединениями, продолжавшими вести уличные бои, была оставлена группа командиров с радиостанцией и охранным эскадром штаба армии. На оборону улиц, примыкавших к переправе, направили гарнизонный отряд милиции [19].

Всю армейскую артиллерию, в первую очередь тяжелую, дальнобойную, удалось переправить на левый берег Дона для огневой поддержки частей, которые вели уличные бои в городе. Были сохранены и установки залпового огня БМ-13 трех огневых дивизионов 8-го гвардейского минометного полка. Боеприпасы полку (реактивные 132-мм мины) доставлялись из Москвы специально выделенными самолетами. Пятница стала кульминацией пятидневного сражения за Ростов-на-Дону. В 3.40 21 ноября через офицеров связи в войска был отправлен боевой приказ об отходе соединений и частей на левый берег Дона. В течение утра и первой половины дня главные силы 56-й Отдельной армии отходили через город к переправам, которые враг нещадно обстреливал из всех видов оружия: танковых пушек и пулеметов, минометов, малокалиберной артиллерии, карабинов и автоматов.

Прикрытие переправ в Ростове выполняли 33-й мотострелковый и 230-й конвойный полки НКВД, Ростовский полк народного ополчения, курсанты Военно-политического училища, остатки 1145-го стрелкового полка 353-й стрелковой дивизии и кавалерийский эскадрон охраны штаба армии, почти целиком уничтоженный на Ворошиловском проспекте пулеметным огнем танков и мотоциклистов противника. К 17 часам основные силы 56-й армии были отведены на южный берег Дона. Все переправы были взорваны, за исключением моста на Зеленый остров, куда незамедлительно проскочили 12 немецких танков, без сопровождения пехоты. «Поутюжив» в течение четырех часов траншеи и стрелковые ячейки 2-го батальона 230-го полка конвойных войск НКВД, уничтожив несколько десятков бойцов и командиров, немецкие танки покинули остров, так как советская дальнобойная артиллерия открыла по нему огонь, и несколько снарядов разорвалось в непосредственной близости от моста. После этого советские саперы взорвали мост. Уличные бои и перестрелки в разных концах города продолжались весь день и всю ночь до утра 22 ноября.

Захват Ростова-на-Дону стал следствием серьезных просчетов командования 56-й Отдельной армии, главной задачей которой и являлась организация обороны города. Свою роль сыграла и несогласованность действий 56-й армии с командованием Южного фронта. Ростов был не готов к обороне и не имел для этого специального гарнизона. В ходе боя штаб

56-й Отдельной армии вообще утратил управление войсками. Телефонистки с центральной телефонной станции просто разбежались, городская телефонная связь была парализована, а полевая телефонная связь и радиосвязь не были заранее налажены [20]. Поэтому героическое сопротивление отдельных подразделений, бойцов и командиров не могло изменить ситуацию: советские войска, понеся серьезные потери, оставили город.

Расположившись в Батайске, штаб 56-й Отдельной армии практически сразу начал подготовку операции по освобождению Ростова-на-Дону. Она представляла собой достаточно трудную задачу, прежде всего из-за природных и метеорологических условий. Высокий правый берег Дона, занятый немцами, господствовал над широкой пойменной долиной левобережья, давая визуальный обзор на 10–12 км, а с использованием оптики – и гораздо дальше. Отсутствие лесных массивов, крупных населенных пунктов и других маскирующих передвижения и места сосредоточения войск и боевой техники укрытий, слабая сеть дорог в болотистой, топкой открытой местности еще более усложняли выполнение боевой задачи. Лед на Дону и Мертвом Донце только что встал, и его толщина не превышала 8–10 см. Это полностью исключало переправу по льду артиллерии, автомашин, танков всех типов. В то же время ширина ледового покрова этих рек в черте города и его пригородных поселков составляла 450–800 м, что лишало атакующую пехоту возможности скрытно подобраться к переднему краю противника.

Система многослойного стрелково-пулеметного огня из-за каменных зданий и укрытий, пристрелянные огневые рубежи минометных и артиллерийских батарей, противопехотные минные поля, установленные немецкими саперами 22–25 ноября вдоль правого берега Дона и Мертвого Донца, обрекали стрелковые подразделения 56-й Отдельной армии на истребление. На тонком льду невозможно было ни зарыться в землю, ни укрыться в воронке от прицельного огня. Но советское командование требовало освободить донскую столицу. 22 ноября в 5.30 Ставка ВКГ отдала директиву, адресованную главному Юго-Западного направления, в которой говорилось: «Ставка Верховного Главнокомандования приказывает ударной группе Южного фронта повести решительное наступление с целью ударить по тылам группы Клейста, занявшей Ростов. Потеря Ростова не отменяет Вашу задачу удара по тылам Клейста, а, наоборот, усиливает необходимость занятия Вами Таганрога. Потребуйте от войск решительных энергичных действий» [21].

Федор Никитич, спавший урывками не более 3–4 часов в сутки уже вторую неделю, вложил в подготовку к наступлению весь свой талант и боевой опыт. Наступление 56-й Отдельной армии на Ростов-на-Дону планировалось осуществлять по трем направлениям. Из-за отсутствия корпусного звена, расформированного в августе, приходилось импровизировать. Создавались две оперативные группы. Восточную оперативную группу в составе двух стрелковых, одной кавалерийской дивизий и танковой бригады возглавил генерал-майор А.А. Гречкин. Западной оперативной группой в составе двух кавалерийских, одной стрелковой дивизий, двух стрелковых бригад командовал генерал-майор П.М. Козлов. На центральном участке наступали 343-я и 347-я стрелковые дивизии, 230-й полк конвойных войск НКВД и Ростовский стрелковый полк народного ополчения. С учетом условий штурма города и поставленных задач принятые решения следует признать оптимальными. Правильным было и создание более мощной по составу Западной оперативной группы войск 56-й Отдельной армии, имевшей задачу отрезать немцам пути отхода из города в сторону Таганрога.

27 ноября в 6.30 утра началась артиллерийская подготовка, а через полчаса войска 56-й Отдельной армии перешли в наступление. По приказу командующего Азовской флотилией адмирала С.Г. Горшкова в оперативное подчинение штаба 56-й Отдельной армии был передан сводный отряд моряков. В него вошли 300 добровольцев, получивших задание вместе с партизанами перекрыть пути отхода противника. В сводке Совинформбюро сообщалось: «В ночь на 29 ноября, когда войска 56-й армии штурмовали Ростов, подразделение морской пехоты под командованием Куникова во взаимодействии с партизанами ворвалось в село Синявское и заняло железнодорожную станцию, разрушило полотно железной дороги, телеграфную связь, оседлало шоссе Ростов – Таганрог» [22].

Господствующее положение правого берега Дона, минные поля, сплошная стена каменных строений исторической части города Ростова представляли собою тактически

выгодную оборонительную позицию для немецких войск. Войска Восточной оперативной группы под командованием генерал-майора А.А. Гречкина в ходе двухсуточных боев прорвали оборонительные позиции противника в поселках Орджоникидзе и Фрунзе. В ходе уличных боев части группы, действуя в тесном взаимодействии с Новочеркасской оперативной группой 9-й армии, к исходу 29 ноября освободили восточные и северо-восточные предместья Ростова – поселки Орджоникидзе, Чкалова, Фрунзе, Мирный, Мясникован, Северный, Каменоломни. В центре боевых порядков армии Дон форсировали главные силы 347-й и 343-й стрелковых дивизий, усиленных 230-м полком НКВД и Ростовским стрелковым полком народного ополчения. В течение первой половины дня 29 ноября в центральной части Ростова происходили скоротечные уличные бои. Наши войска ликвидировали уцелевшие очаги сопротивления противника, очищая от него дом за домом, улицу за улицей, и к исходу дня вышли на северо-западную и западную окраину Ростова. Соединения и части Западной оперативной группы войск 56-й армии под командованием генерал-майора П.М. Козлова после кровопролитного ночного боя к утру 29 ноября овладели станицей Нижнегниловской, хуторами Семерниковым и Калининским. К исходу дня части Западной оперативной группы вышли к селам Красный Крым и Чалтырь и станции Хапры. Действия оперативной группы генерала Козлова поддерживали артиллерийским огнем канонерские лодки отдельного Донского отряда Азовской военной флотилии. Вечером 29 ноября из Москвы была получена телеграмма Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина, адресованная Главкому Юго-Западного направления маршалу Тимошенко, командующему Южным фронтом генерал-полковнику Черевиченко, командующим 9-й и 56-й армиями Харитонову и Ремезову: «Поздравляю вас с победой над врагом и освобождением Ростова от немецко-фашистских захватчиков. Приветствую доблестные войска 9-й и 56-й армий во главе с генералами Харитоновым и Ремезовым, водрузившими над Ростовом наше славное советское знамя. И. Сталин» [23].

Рис. 2. Командарм-56 Ф.Н. Ремезов (справа) на КП ЗОГ.
Слева – командующий ЗОГ генерал-майор П.М. Козлов,
в центре – комиссар ЗОГ полковой комиссар П.А. Александров [24]

Освобождение Ростова-на-Дону, безусловно, стало одним из важнейших событий конца 1941 г. Фактически, это был первый стратегический успех советских войск в годы Великой Отечественной войны и первое крупное поражение вермахта с начала Второй мировой войны. Свой вклад в победу внес командующий армией генерал-лейтенант Ремезов.

В течение ночи и первой половины дня 30 ноября командованию 56-й армии пришлось приложить огромные усилия для наведения порядка из-за перемешивания частей и соединений в ходе наступательных боев. В Ростове и в его окрестностях скопились части и соединения Новочеркасской, Восточной и Западной оперативных групп 9-й и 56-й армий. Их личный состав был крайне измотан трехсуточными боями, пребыванием на холоде,

недоеданием. Имелось много случаев обморожения. При этом командованию приходилось учитывать, что все танки, большая часть артиллерии, конский состав кавалерийских дивизий, все обозы и автопарк 56-й армии оставались на левом берегу Дона. Вдобавок ко всему, неожиданно наступившее потепление и «низовка» – западный ветер со стороны Азовского моря – вызвали подъем воды в черте города Ростова, что привело к отходу льда от берега, ослаблению ледового покрова. Все мостовые переправы в полосе от Раздорской до устья Дона были уничтожены в ходе многодневных боев 17–29 ноября 1941 г.

Сил и средств инженерно-саперных подразделений в 56-й армии было явно недостаточно для наращивания льда и быстрого наведения понтонно-мостовых переправ для доставки на правый берег тяжелой боевой техники, конского состава, боеприпасов, медикаментов, полевых кухонь, продовольствия. Тем не менее, в течение 30 ноября организуются группы преследования, действовавшие, в основном, в пешем составе. В 56-й армии из 62-й и 64-й кавалерийских дивизий и 54-й танковой бригады создается армейская подвижная группа под командованием генерал-майора А.А. Гречкина. Перед этой группой поставлена задача: сосредоточившись к 5.00 1 декабря 1941 г. в районе Красного Крыма, Ленинована и Мясникована, стремительным ударом в направлении высоты 106, Адабашева и Морского Чулека отрезать пути отхода ростовской группировке противника и передовыми отрядами захватить переправы на реке Самбек. Западная оперативная группа генерал-майора П.Г. Козлова получила задачу выйти на рубеж Веселый – Синявка к исходу 1 декабря. Командующему артиллерией 56-й армии генерал-майору артиллерии Г.С. Кариофилли было приказано любой ценой переправить на правый берег Дона материальную часть артиллерии дивизий и бригад и армейскую артиллерию усиления. Приказывалось также обеспечить действующие на правом берегу Дона войска соответствующим количеством артиллерийских выстрелов, минами и снарядами по нарядам начальников артиллерии соединений.

Войска остро нуждались в продовольствии, боеприпасах, обогревательных пунктах. На все это требовалось много времени, сил, средств. Ничего этого не было. Обе оперативные группы 56-й армии начали преследование в пешем строю. Преследуя отходящие части 1-й танковой армии генерал-полковника Клейста, войска Южного фронта, в том числе и 56-й армии (вошедшей в его состав в 22.00 29 ноября) к исходу 2 декабря 1941 г. вышли на рубеж р. Миус в полосе сел Куйбышево и Ряженое, гряде высот юго-восточнее Ряженого, балки Копани, сел Курлацкого, Самбека и Вареновки, где встретили подготовленную оборону противника. Измотанные двухнедельным наступлением, без регулярного питания и обогрева, стрелковые войска и кавалерия, с минимальным количеством артиллерии и танков, оставшихся на левом берегу Дона из-за отсутствия переправ, в течение 3–5 декабря неоднократно атаковали опорные пункты противника на господствующих высотах, но успеха не имели. Наступление застопорилось. Командованием фронта и армий принимались меры к подвозу на передовую артиллерии, минометов, боеприпасов, питания и теплой одежды.

Однако приказа на переход к обороне в войска не поступало. Директив Ставки ВГК от 22 и 24 ноября 1941 г. об освобождении Таганрога никто не отменил, и войска готовились к новому наступлению. С 10 по 15 декабря войска 56-й и 9-й армий предприняли вторую попытку ликвидировать Таганрогский плацдарм противника и освободить город и порт. Все атаки советских войск были отражены с большими потерями в личном составе. Только 31-я Сталинградская дивизия за эти дни потеряла: 196 командиров, 342 младших командира и 2 819 рядовых, из них 1 195 – пропавшими без вести [25]. 230-й полк НКВД в боях под Вареновкой потерял убитыми и ранеными 1 100 бойцов и командиров. В полку осталось, включая штаб и тылы, 78 человек.

18 декабря 1941 г. главком Юго-Западного направления маршал С.К. Тимошенко утвердил новый план наступления армий Южного фронта по разгрому противника. В течение 25–29 декабря в полосе фронта шли ожесточенные бои, в ходе которых ударные группировки форсировали р. Миус и продвинулись на 10–15 км. Но, контратакованные двумя пехотными и двумя танковыми дивизиями, к исходу 29 декабря отошли на исходные рубежи. Потери в личном и конском составе и вооружении были исключительно велики. Безуспешными были атаки войск 56-й армии в районе Ряженого, Седовского и Самбека. Это была последняя попытка обескровленных частей и соединений Южного фронта

выполнить директивы Ставки ВГК по прорыву Миус-фронта и освобождению Таганрога до нового, 1942 г.

Оргвыводы последовали незамедлительно: 24 декабря вместо Ф.Н. Ремезова новым командующим 56-й армией стал генерал-майор В.В. Цыганов. 30 декабря был снят со своего поста и генерал-полковник Я.Т. Черевиченко. Новым командующим Южным фронтом был назначен генерал-лейтенант Р.Я. Малиновский. Были смещены несколько командиров дивизий и бригад. По воспоминаниям очевидцев, Ф.Н. Ремезов тяжело переживал отстранение от должности, хоть и пытался бодриться [31]. О чем думал в этот момент 46-летний генерал-лейтенант? Опасался за свою дальнейшую судьбу, помня, как обошелся Сталин со снятым летом 1941 г. командованием Западного фронта? Искал причины неудач в действиях армии? Вспоминал принятые и не принятые решения? Предполагал обратиться к руководству страны? Этого мы уже никогда не узнаем.

Через три недели, 17 января, генерал-лейтенант Ремезов решением Ставки ВГК был назначен командующим Южно-Уральским военным округом. Штаб округа размещался в городе Чкалов (ныне – Оренбург). Главная задача всех внутренних округов в ходе войны заключалась в подготовке обученных резервов и формировании новых частей и соединений для действующей армии, для фронта. 22 января был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении генерал-лейтенанта Ф.Н. Ремезова орденом Красного Знамени. Это признание его заслуг в разгроме танковой армии Клейста под Ростовом-на-Дону несколько смягчило горечь отставки.

Под руководством нового командующего в округе были обучены, подготовлены и 12 апреля 1942 г. отправлены на фронт 193, 195, 196, 206, 214, 219-я стрелковые дивизии, сыгравшие важную роль в оборонительном сражении под Сталинградом [27]. Но поработать на Южном Урале, хорошо знакомому Федору Никитичу еще со времен Гражданской войны и по службе в 1920-е гг., как командующим округом, Ремезову долго не довелось. Уже через три месяца он получил новое назначение – вступить в командование 45-й армией Закавказского фронта. Это назначение было не случайным. Ставка ВГК накануне летней кампании 1942 г. рассматривала все варианты развития событий на южном крыле советско-германского фронта и директивой № 170326 приказала усилить войска Закавказского фронта, в первую очередь 45-ю и 46-ю армии, прикрывавшие границу с Турцией. В Кутаиси прибывала 389-я стрелковая дивизия, в район Очамчира, Зугдиди – 63-я горно-кавалерийская дивизии, две отдельные танковые бригады (226-я и 227-я) расположились в Кутаиси и в Ереване. Армия получила также 42-й и 65-й отдельные дивизионы бронепоездов, шесть авиаполков [28]. Велика была угроза нападения турецкой армии – союзницы нацистской Германии, сосредоточившей на советско-турецкой границе до 26 дивизий и бригад. Управление 45-й армии было сформировано еще в конце июля 1941 г. в Закавказском военном округе на базе 23-го стрелкового корпуса. Штаб армии размещался в столице Армении – г. Ереван [29]. Вдоль границы еще до войны были оборудованы мощные оборонительные сооружения, которые вошли в систему узлов обороны 51-го, 55-го и 69-го укрепленных районов.

К моменту прибытия Федора Никитича в Ереван, в составе армии имелось четыре стрелковых дивизии, две танковых бригады, три укрепрайона, два дивизиона бронепоездов, артиллерийские, инженерно-саперные и авиационные части усиления. Численность личного состава составляла 54 853 человек [30]. Армия прикрывала важнейший участок границы, обеспечивая советские коммуникации в Иране, куда еще в конце августа 1941 г. были введены советские войска вместе с британскими соединениями. В Иране был создан мощный военно-индустриальный плацдарм союзников по антигитлеровской коалиции, откуда через Кавказ и Каспий непрерывным потоком поступала боевая техника (танки, самолеты, автомобили), стратегическое сырье (алюминий, легированная сталь, взрывчатка, ГСМ), продовольствие, обмундирование, медикаменты, рельсы, паровозы, вагоны. И если в общем объеме поставок по ленд-лизу доля «персидского коридора» составила 4160 тыс. т всех грузов (23,6 %), то с июня 1942 г. до мая 1943 г., после трагедий с арктическими конвоями и сокращением тихоокеанских перевозок, после прорыва вермахта к Сталинграду и Червленной, этот маршрут поставок был жизненно необходим для СССР в самый критический период Великой Отечественной войны. Да и 184112 «Студебеккеров»,

«Виллисов» и «Фордов», доставленные через Иран или собранные на сборочных заводах, существенно повысили мобильность советских войск [31].

В Ереване Федор Никитич не засиживался, проводя все время в войсках. В августе 1942 г., при аварии самолета, он получил серьезную травму, но с уже привычной палочкой продолжал нести службу. Его старания не остались незамеченными и в феврале 1943 г. командующий 45-й армией был удостоен очередной высокой награды – ордена Ленина. Большую помощь ему оказывали офицеры, имевшие боевой опыт на фронтах Великой Отечественной войны. Одним из них был полковник Шалва Иванович Мелкадзе. Он успел повоевать на Северо-Западном фронте в 1941–1942 гг. С марта 1942 г. около года был заместителем командира по строевой части 406-й стрелковой дивизии в г. Ахалкалаки (в 30 км от границы с Турцией), с 27 марта 1943 по 20 февраля 1944 г. командовал 94-й стрелковой бригадой в г. Сухуми, затем 392-й стрелковой дивизией в Батуми. Вместе с сыном полковник Мелкадзе в 1944 г. убыл на фронт, где отличился, командуя 148-й стрелковой дивизией. Надежными помощниками Ремезова были командиры 261-й и 349-й стрелковых дивизий полковник Н.П. Балоян и генерал-майор И.А. Силагадзе. Созданный командующим армией дружный коллектив сумел укрепить и сделать неприступной полосу обороны, убедить турецкую разведку и военно-политическое руководство Анкары отказаться от каких-либо авантур. За этот стратегический успех в ноябре 1944 г. генерал-лейтенант Ремезов был удостоен третьего ордена Красного Знамени, а в феврале 1945 г. – второго ордена Ленина. Советские войска в Закавказье и на Дальнем Востоке достойно выполнили свой воинский долг и внесли свой, весомый вклад в победу над гитлеровской Германией.

14 апреля 1946 г. управление 45-й армии было расформировано. Генерал-лейтенант Ф.Н. Ремезов перешел на преподавательскую работу и с октября 1946 г. стал начальником 1-го факультета Военной академии имени М.В. Фрунзе. В 1951–1952 гг. сам повысил уровень образования, окончил высшие академические курсы при Высшей военной академии им. К.Е. Ворошилова. С января по май 1953 гг. являлся заместителем начальника Артиллерийской академии РККА им. Ф.Э. Дзержинского. Затем перешел на должность заместителя командующего Московского военного округа по военно-учебным заведениям. Приказом по Министерству обороны СССР № 0277 от 10 февраля 1959 г. уволен из кадров Советской армии в отставку по болезни с правом ношения военной формы одежды. Умер в 1990 г. в Ленинграде. За время службы был награжден двумя орденами Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, орденами Красной Звезды и Отечественной войны 1-й степени, медалями «XX лет РККА», «За оборону Кавказа» и др.

Выводы

В годы Великой Отечественной войны у Ф.Н. Ремезова было два шанса проявить себя в качестве военачальника. Первый раз – в самом начале войны, на должности командующего 13-й армии. Трудно сказать, как сложилась бы его дальнейшая фронтовая биография, если бы не тяжелое ранение. 13-я армия вела кровопролитные бои на Смоленском направлении, и преемник Ф.Н. Ремезова генерал-лейтенант В.Ф. Герасименко был заменен уже через 15 дней. В дальнейшем командующие продолжали меняться, а в октябре 1941 г. численность вышедшей из окружения 13-й армии не превышала дивизии. Как раз в это время у Ф.Н. Ремезова, вышедшего из госпиталя, представился второй шанс отличиться, но и его он не смог использовать в полном объеме. Больше таких возможностей не было, так как командовать оперативно-тактическими соединениями, непосредственно участвовавшими в боевых действиях, ему больше не поручали.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках проекта «Азово-Черноморско-Каспийский регион в условиях войн и вооруженных конфликтов конца XVII – начала XXI вв.: геостратегические и историко-антропологические аспекты» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Проблемы развития полиэтничного макрорегиона в условиях дестабилизации Каспийско-Черноморского зарубежья».

Примечания:

1. Кринко Е.Ф. Современная российская историография Великой Отечественной войны: итоги двух десятилетий // Былые годы. 2009. № 4 (14). С. 6–19.
2. Ремезовы.Ру. URL: http://www.remezovi.ru/site/?page_id=626 (дата обращения 4.02.2012).
3. ЦАМО РФ. Учетно-послужная карта (далее – УПК).
4. Разнер А. «Эй, комроты, даешь пулеметы!» // Культурная среда в Кирове. 2010. Вып. № 1–2 (9–10). Январь – февраль.
5. Русский архив: Великая Отечественная. Т. 12 (1–2). Накануне войны. Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23–31 декабря 1940 г. М.: ТЕРРА, 1993. С. 170–172.
6. Шипунов А. «Служу Отечеству!» URL: <http://mk.tula.ru/articles/a/20581> (дата обращения 14.02.2013).
7. Иванов С.П. Штаб армейский, штаб фронтовой. М.: Воениздат, 1990. С. 109.
8. ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 3038. Д. 21. Л. 49–50.
9. Гудериан Г. Воспоминания солдата. М.: Воениздат, 1954. С. 159–161.
10. ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 10169. Д. 4. Л. 233.
11. Krinko E.F. Formation of Cavalry Units of the Red Army in the Southern Russia and Their Fate during the Great Patriotic War // Русская старина. 2014. Т. 9. № 1. С. 26–39.
12. Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф. «Все рвались в бой с противником...»: действия кавалерии РККА на Южном фронте в октябре-декабре 1941 г. // Военно-исторический журнал. 2012. № 1. С. 27–34.
13. Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф. 56-я армия в боях за Ростов. Первая победа Красной армии. Октябрь-декабрь 1941. М.: Центрполиграф, 2013. 318 с.
14. ЦАМО РФ. Ф. 412. Оп. 10 295. Д. 3. Л. 62–63.
15. Макензен Э. фон. От Буга до Кавказа. М.: АСТ; Транзиткнига, 2009. С. 271.
16. Керн Э. Пляска смерти. Воспоминания унтерштурмфюрера СС. 1941–1945. М.: Центрполиграф, 2008. С. 91.
17. ЦАМО РФ. Ф. 412. Оп. 10 282. Д. 29. Л. 41.
18. ЦАМО РФ. Ф. 412. Оп. 10 282. Д. 1. Л. 73.
19. Шишкин Н.П. «Я последним оставил Ростов в 41-м...» // Вечерний Ростов. 1991. 17 сентября.
20. Красных Ю., Мощанский И. Битва за Ростов. Операция Южного и Юго-Западного фронтов 29 сентября – 2 декабря 1941 года // Военная летопись. Фотоиллюстрированное периодическое издание. М.: ООО «БТВ-МН», 2006. № 1. С. 36–37.
21. Красных Ю., Мощанский И. Битва за Ростов. Операция Южного и Юго-Западного фронтов 29 сентября – 2 декабря 1941 года. С. 38.
22. Рожденная в боях. Очерки о героях-воинах 56-й армии. 1941–1943 гг. Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство, 1977. С. 41–42.
23. Рожденная в боях. Очерки о героях-воинах 56-й армии. 1941–1943 гг. С. 42.
24. Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф. 56-я армия в боях за Ростов. Первая победа Красной армии. Октябрь-декабрь 1941.
25. ЦАМО, Ф. 1115. Оп.1. Д.66. Л.174.
26. Красовский С.А. Жизнь в авиации. М.: Воениздат, 1968. С. 131.
27. ЦАМО РФ. Ф.48а. Оп. 3408. Д. 71. Л. 127–128.
28. ЦАМО РФ. Ф.48а. Оп. 3408. Д. 71. Л. 231, 232.
29. ЦАМО РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 110. Л. 11.
30. ЦАМО РФ. Ф. 209. Оп. 1091. Д. 67, Л. 490б.
31. Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф., Курбат Т.Г. Война. Юг. Перелом. Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2012. С. 62, 67.

References

1. Krinko E.F. Sovremennaya rossiyskaya istoriografiya Velikoy Otechestvennoy voyny: itogi dvukh desyatiletii // Bylye gody. 2009. № 4 (14). S. 6–19.
2. Remezovy.Ru. URL: http://www.remezovi.ru/site/?page_id=626 (data obrashcheniya 4.02.2012).

3. TsAMO RF. Uchetno-posluzhnaya karta (dalee – UPK).
4. Razner A. «Ey, komroty, daesh' pulemety!» // Kul'turnaya sreda v Kirove. 2010. Vyp. № 1–2 (9–10). Yanvar' – fevral'.
5. Russkiy arkhiv: Velikaya Otechestvennaya. T. 12 (1–2). Nakanune voyny. Materialy soveshchaniya vysshego rukovodyashchego sostava RKKA 23-31 dekabrya 1940 g. M.: TERRA, 1993. S. 170–172.
6. Shipunov A. «Sluzhu Otechestvu!» URL: <http://mk.tula.ru/articles/a/20581> (data obrashcheniya 14.02.2013).
7. Ivanov S.P. Shtab armeyskiy, shtab frontovoy. M.: Voenizdat, 1990. S. 109.
8. TsAMO RF. F. 208. Op. 3038. D. 21. L. 49–50.
9. Guderian G. Vospominaniya soldata. M.: Voenizdat, 1954. S. 159–161.
10. TsAMO RF. F. 208. Op. 10169. D. 4. L. 233.
11. Krinko E.F. Formation of Cavalry Units of the Red Army in the Southern Russia and Their Fate during the Great Patriotic War // Russkaya starina. 2014. T. 9. № 1. S. 26–39.
12. Afanasenko V.I., Krinko E.F. «Vse rvalis' v boy s protivnikom...»: deystviya kavalerii RKKA na Yuzhnom fronte v oktyabre-dekabre 1941 g. // Voенно-istoricheskiy zhurnal. 2012. № 1. S. 27–34.
13. Afanasenko V.I., Krinko E.F. 56-ya armiya v boyakh za Rostov. Pervaya pobeda Krasnoy armii. Oktyabr'-dekabr' 1941. M.: Tsentrpoligraf, 2013. 318 s.
14. TsAMO RF. F. 412. Op. 10 295. D. 3. L. 62–63.
15. Makenzen E. fon. Ot Buga do Kavkaza. M.: AST; Tranzitkniga, 2009. S. 271.
16. Kern E. Plyaska smerti. Vospominaniya untershturmfyurera SS. 1941–1945. M.: Tsentrpoligraf, 2008. S. 91.
17. TsAMO RF. F. 412. Op. 10 282. D. 29. L. 41.
18. TsAMO RF. F. 412. Op. 10 282. D. 1. L. 73.
19. Shishkin N.P. «Ya poslednim ostavil Rostov v 41-m...» // Vecherniy Rostov. 1991. 17 sentyabrya.
20. Krasnykh Yu., Moshchanskiy I. Bitva za Rostov. Operatsiya Yuzhnogo i Yugo-Zapadnogo frontov 29 sentyabrya – 2 dekabrya 1941 goda // Voennaya letopis'. Fotoillyustrirovannoe periodicheskoe izdanie. M.: OOO «BTV-MN», 2006. № 1. С. 36–37.
21. Krasnykh Yu., Moshchanskiy I. Bitva za Rostov. Operatsiya Yuzhnogo i Yugo-Zapadnogo frontov 29 sentyabrya – 2 dekabrya 1941 goda. S. 38.
22. Rozhdennaya v boyakh. Ocherki o geroyakh-voinakh 56-y armii. 1941–1943 gg. Rostov-na-Donu: Rostovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1977. S. 41–42.
23. Rozhdennaya v boyakh. Ocherki o geroyakh-voinakh 56-y armii. 1941–1943 gg. S. 42.
24. Afanasenko V.I., Krinko E.F. 56-ya armiya v boyakh za Rostov. Pervaya pobeda Krasnoy armii. Oktyabr'-dekabr' 1941.
25. TsAMO, F. 1115. Op.1. D.66. L.174.
26. Krasovskiy S.A. Zhizn' v aviatsii. M.: Voenizdat, 1968. S. 131.
27. TsAMO RF. F.48a. Op. 3408. D. 71. L. 127–128.
28. TsAMO RF. F.48a. Op. 3408. D. 71. L. 231, 232.
29. TsAMO RF. F. 148a. Op. 3763. D. 110. L. 11.
30. TsAMO RF. F. 209. Op. 1091. D. 67, L. 49ob.
31. Matishov G.G., Afanasenko V.I., Krinko E.F., Kurbat T.G. Voyna. Yug. Perelom. Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo YuNTs RAN, 2012. S. 62, 67.

УДК 94(47).084.8(470.61)

Генерал-лейтенант Ф.Н. Ремезов: вехи биографии

¹ Владимир Иванович Афанасенко

² Евгений Федорович Кринко

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований
Южного научного центра Российской академии наук, Российская Федерация

344006, Ростов-на-Дону, проспект Чехова, 41

E-mail: krinko@ssc-ras.ru

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований

Южного научного центра Российской академии наук, Российская Федерация

344006, Ростов-на-Дону, проспект Чехова, 41

Доктор исторических наук

E-mail: krinko@ssc-ras.ru

Аннотация. Статья – первое специальное исследование о Ф.Н. Ремезове, советском генерале и участнике Великой Отечественной войны. В июле 1941 г. он командовал 13-й армией в боях на смоленском направлении, позже войсками Северо-Кавказского военного округа и 56-й Отдельной армией. В конце осени 1941 г. войска под командованием Ремезова оставили, а через неделю освободили Ростов-на-Дону. Но дальнейшее советское наступление на юге остановил немецкий оборонительный рубеж Миус-фронт. Ремезов стал командующим войсками Южно-Уральского военного округа. В 1942–1945 гг. командовал 45-й армией в Закавказье и Иране. Исследование подготовлено на основе архивных и опубликованных источников.

Ключевые слова: Ф.Н. Ремезов, Великая Отечественная война, Красная армия, вермахт, военная стратегия и тактика.